

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧЕРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Мазаел Одай М.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филол.наук, профессор
Кольцова Людмила Михайловна

Воронеж

2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Фразеологические единицы как предмет лингвистического исследования	9
§1. Русская фразеология с позиций современного лингвистического знания.....	10
§2. Фразеология в системе лингвокультурологического знания.....	28
§3. Русская фразеология в языковой картине мира.....	43
§4. Фразеологические единицы с оценкой интеллектуальных качеств человека как семантическая доминанта русской языковой картины мира.....	51
Глава II. Интеллектуальные свойства человека в русской фразеологии и их место в языковой картине мира на фоне арабской фразеологии	59
§1. Состав и структура фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные свойства человека.....	62
§3. Средства, способы и приемы формирования семантики фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные свойства человека.....	90
Глава III. Функционирование ФЕ в современном русском языковом пространстве	
§1. Стилистическое использование фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные свойства человека.....	100
§2 . Фразеологизмы с положительной характеристикой интеллектуальных способностей человека в современном дискурсе.....	108
§ 3. Фразеологизмы с отрицательной характеристикой интеллектуальных способностей человека в современном дискурсе.....	124
Заключение	136
Список использованной литературы.....	140

ВВЕДЕНИЕ

Способность к мышлению, познанию выделяет человека среди других живых существ планеты. Данный феномен изучается целым рядом наук: философией, логикой, психологией, биологией и т. д., что говорит о том, что понятия ума, интеллекта, мышления и способы их лингвистической репрезентации являются ключевыми для современной лингвистической науки.

Уровень интеллекта отражает пройденный к определённому возрасту путь познавательного развития личности, проявляющийся в сформированности познавательных функций, в степени усвоения умственных умений и знаний и служит для успешного освоения человеком различных видов деятельности, адаптации в окружающей среде.

Интеллектуальные способности человека определяются как готовность к эффективному постижению различных знаний и умений и представляют собой характеристики индивида, отражающие, насколько он может обрабатывать информацию различных типов.

Внимание человека к собственной познавательной деятельности отражается и в лексических, и в фразеологических единицах, называющих данный процесс и связанные с ним понятия. «Интеллектуальная деятельность человека является одной из тех сфер процессуально-событийного мира, которые “притягивают” к себе значительное количество метафор, обладают в плане ассоциативно-образных связей большой центростремительной силой» [Воронина, 2000, с. 298]. Данная лексика и фразеология является значимой и с точки зрения ее этнокультурного содержания, воплощенного в семантике и внутренней форме слова.

Актуальность настоящего исследования видится в следующем: оно позволит достаточно полно охарактеризовать важную часть русской языковой картины мира, связанную с представлениями об интеллектуальных способностях человека.

Кроме того, комплексные этнолингвистические исследования такого рода достаточно редко встречаются в современном языкознании.

Феномен человеческого интеллекта и его проявления в лексике и фразеологии языка всегда вызывал интерес ученых, о чем говорят многочисленные исследования языковых единиц семантического поля «интеллект человека». Разнообразные аспекты затрагиваются в работах И.М. Кобозевой, М.Л. Ковшовой, Л.Е. Кругликовой, Л.Б. Айрапетяна, Ю.Д. Апресяна, Т.В. Бахваловой, О.Ю. Богуславской, Т.И. Вендиной, Т.М. Ворониной, В.Г. Гака, М.К. Голованивской, О.П. Ермаковой, А.А. Зализняк, Л.А. Ивашко, В.И. Карасика, С.Е. Никитиной, В.А. Плугиняна и Е.В. Рахилиной, М.Э. Рут, Е.В. Урысон и др.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению роли фразеологических единиц, касающихся интеллектуальной деятельности человека, в русском языке, а также определению их места в русской языковой картине мира.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальную деятельность человека. Данные фразеологические единицы были выбраны нами из многочисленных толковых и фразеологических словарей русского языка.

Предметом исследования является национально-культурное своеобразие фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека, а также особенности их функционирования в различных контекстах.

Целью работы является комплексное описание фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека, определение их значения, национально-культурного своеобразия на фоне близких по смыслу языковых единиц арабского языка.

Для достижения этой цели были намечены следующие **задачи**:

1. определить основные теоретические подходы к исследуемому материалу, соответствующие современному уровню лингвистического описания и анализа данных языковых единиц;

2. выявить корпус фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека в русском и арабском языках и представить их системное описание;

3. исследовать фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные способности человека, с точки зрения их функционирования в текстах различной стилистической и жанровой принадлежности;

4. установить национально-культурное своеобразие фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека, и определить место и роль этого фрагмента языковой действительности в русской языковой картине мира.

Материалом данного исследования послужили:

- сборники пословиц русского народа («Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Большой словарь русских пословиц» В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитиной и Е.К.Николаевой, «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П.Жукова, «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н.Телия и др.);

- сборники пословиц арабского народа,

- толковые и этимологические словари русского языка,

- толковые словари арабского языка,

- а также тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), поисковых системах («Яндекс» (<http://www.yandex.ru/>), «Google» (<http://www.google.com/>), «Mail» (<http://www.mail.ru/>) и др.).

Цель и задачи работы обусловили выбор методов исследования. В качестве основных использовались описательный и сравнительно-сопоставительный

методы, а также методы семантического и контекстуального анализа, метод лексикографического описания.

Методологической и методической основой исследования послужили труды видных исследователей русского языка: В.Л.Булаховского, Ф.И.Буслаева, В.И.Даля, А.А.Потебни, а также работы известных современных лингвистов-теоретиков: Е.М.Верещагина, А.И.Ефимова, В.Н.Жукова, А.А.Зализняка, М.М.Копыленко, В.Г.Костомарова; Н.М.Лебедевой, В.М.Мокиенко, С.И.Ожегова, Н.И.Осмоновой, Г.Л.Пермякова, З.Д.Поповой, В.П.Руднева, В.Н.Телия, В.П.Фелицыной и многих других.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие современной фразеологии с точки зрения разработки общих теоретических положений (уточнение понятий *фразеологическая единица*, *фразеологизм* в результате сравнительной характеристики подходов к его изучению), классификации соответствующего корпуса фразеологических единиц и описания их функционирования.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в комплексном анализе фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека, заключающегося:

- в раскрытии особенностей представления об образе умного и глупого человека в русской фразеологии, в выявлении его специфики путем сравнения с аналогичными образами в арабской фразеологии;
- в лингвокультурологической интерпретации исследуемых фразеологизмов;
- в разработке классификации фразеологизмов по функциям в тексте.

Научная новизна диссертации заключается:

- 1) в наиболее полном изучении фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека;

2) в сопоставлении русских и арабских фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека, в целях выявления национально-культурного своеобразия;

3) в наиболее широком на данный момент охвате контекстов, в которых используются фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные способности человека (Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), включающий все типы текстов и тексты электронных поисковых систем, где контексты оказываются ближе всего к разговорной речи).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные способности человека, представляют ценный источник лингвокультурологического материала, что проявляется в разностилевых контекстах (особенно в публицистических текстах, в текстах разговорного стиля и даже в текстах научно-популярного подстиля).

2. Фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные способности человека, в лаконичной форме раскрывают представление человека об уме и глупости, о различных особенностях мышления, содержат языческие и религиозные образы. Такие фразеологические единицы – неотъемлемая и важная часть любой национальной картины мира.

3. Русские фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные способности человека, по сути уникальны, что прослеживается при сравнительном анализе русских и арабских фразеологических единиц, где обнаруживается сравнительно немного совпадений. Кроме того, русские фразеологические единицы богаты безэквивалентной лексикой, которая требует разъяснений в иностранной аудитории.

4. Фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные способности человека, могут выступать в качестве разного рода

текстообразующих элементов (в качестве заголовка, эпиграфа и в других сильных позициях).

Апробация работы. Основные теоретические положения диссертации, фрагменты её содержания получили апробацию на научных сессиях филологического факультета ВГУ (2008-2013 гг.), а также на следующих Международных научных конференциях: «Дружба, доброта и гостеприимство в русском и арабском языке на материале фразеологии» (Воронеж, 2010), «Жизнь традиции в диалоге времен: материалы научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным наукам» (Елец, 2009), «Грамматика III тысячелетия в контексте современного научного знания. XXVIII Распоповские чтения» (Воронеж, 2010), «Русский язык в диалоге культур» (Воронеж, 2010) и «Язык, культура, менталитет, проблемы изучения в иностранной аудитории: X международная научно-практическая конференция» (Санкт-Петербург, 2011), «Русское национальное сознание в его языковом воплощении: прошлое, настоящее, будущее. XXX Распоповские чтения» (Воронеж, 2012) и др.

Структура работы. Диссертационное сочинение состоит из Введения, трех глав, Заключения, списков источников материала, словарей и справочников и использованной литературы. Библиографический список включает более 150 наименований работ по исследуемой теме.

Перспектива исследования видится в продолжении работы с фразеологическими единицами, характеризующими интеллектуальные способности человека, в иностранной аудитории.

ГЛАВА I.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Известно, что этнокультурная специфика осознания мира и своего места в ней той или иной общности людей наглядно закрепляется в языке. В связи с этим для понимания характерных черт определенной национальной картины мира необходимо изучить сознание человека, зафиксированное посредством языка. «Человек устроен так, что знание неотделимо от языка, и потому, приобретая представление о внешнем мире, совершенствуя, обогащая, детализируя и развивая свою картину мира, человек овладевает языком, углубляет и делает более гибкой языковую семантику, развивает свою языковую способность или компетенцию» [Караулов Ю.Н. 1987, 200]. По мнению многих авторов, особенно ярко и наглядно культурологическая составляющая представлена в фразеологизмах, идиомах, пословицах, поговорках, т.е. в том слое языка, в котором непосредственно сосредоточены народная мудрость и результаты культурного опыта народа. В человеке встречаются и язык, и культура. Поэтому понятие «картина мира» как результат всей духовной активности человека и «как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром» [Постовалова 1988, 20]. Однако картина мира не является зеркальным отражением действительности: «человек никогда не в состоянии отразить окружающий его мир во всем его многообразии, целиком и полностью» [Серебренников 1988, 87]. Поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам порождается не только этими объектами, но способно изменить их через деятельность, что, по мнению В.А.Масловой, служит свидетельством того, что «система социально-типичных позиций, отношений, оценок находит знаковое отображение в системе национального языка и принимает участие в конструировании языковой картины мира» [Маслова 2001, 67]. В свою очередь,

языковая картина мира также претерпевает определенные изменения, но они касаются её периферийных областей, в целом она стабильна, в чем и заключается её суть и предназначение: «сохранять из поколения в поколение, воспроизводить упрощенное, обиходное структурирование окружающего мира, обеспечить преемственность языкового мышления носителей данного языка традиционными сложившимися категориями» [Корнилов 2000, 40]. Безусловно, фаворитом трансляции культурно-национального самосознания народа является фразеология. «Материал фразеологии столь разнообразен генетически и функционально, столь разноструктурен и в семантическом отношении разнохарактерен, что очертить четко круг объектов фразеологии чрезвычайно трудно» [Телия 1986, 8]. Таким образом, фразеология еще долгое время будет оставаться предметом пристального внимания ученых-лингвистов.

§1. Русская фразеология с позиций современного лингвистического знания

Теоретические основы исследования фразеологизмов в современной лингвистической науке демонстрируют крайнее разнообразие, которое проявляется прежде всего в оценке объёма предмета фразеологии и понимании фразеологизма как единицы языка. По замечанию В.М. Мокиенко, «нет ни одного принципиального вопроса, который не вызывал бы в среде фразеологов острые дискуссии» [Мокиенко 1989, 5]. Расхождения в понимании природы фразеологизма находят непосредственное отражение в практике составления фразеологических словарей русского языка.

Энциклопедия «Русский язык» указывает, что «системно-классификационный аспект описания фразеологического состава неразрывно связан с проблемой определения объёма и границ фразеологии. В широкий объём включаются все сочетания, обладающие признаками

устойчивости и воспроизводимости. Узкий объём ограничивается фразеологизмами-идиомами, функционально соотносимыми со словом как номинативной единицей языка» [Русский язык 2001, 608-609]. Действительно, большинство учёных понимает под фразеологией совокупность различного рода несвободных сочетаний слов. Однако при этом понятие несвободности толкуется то суженно, когда к несвободным сочетаниям относятся только те, в которых значение целого не мотивируется значением компонентов, то расширенно, когда к несвободным сочетаниям относятся не только все виды ограниченной сочетаемости слов, но даже и различные виды цитации, пословицы и поговорки. Различное понимание объёма фразеологии и отграничение фразеологических сочетаний от свободных объясняется тем, что в качестве основного признака фразеологических единиц выдвигаются такие особенности, которые не являются характерными только для фразеологических единиц, и поэтому должны рассматриваться как побочные. Одни исследователи считают основным признаком фразеологических единиц такие их особенности, которые приравнивают их к слову. Л.А.Булаховский и А.А.Реформатский называют основным признаком фразеологических единиц отсутствие возможности буквального перевода этих единиц на другие языки. В трудах академика В.В.Виноградова в основу определения фразеологических единиц был положен структурный признак — устойчивость, воспроизведение словосочетаний в речи как готовых единиц. Со структурно-семантической точки зрения, основным признаком фразеологических единиц состоит в невыводимости значения сочетаний слов из составляющих их слов, в так называемой идиоматичности. Данная точка зрения является традиционной. Согласно мнению А.И. Смирницкого, идиоматичность фразеологических единиц состоит в семантической цельности, в эквивалентности слову [Смирницкий 1956, 243]. Также к признакам, которые являются общими как для фразеологизмов, так и для пословиц, следует отнести устойчивость, постоянство состава, воспроизводимость. Под устойчивостью

фразеологизмов понимается «постоянство их состава, неизменность их структуры, которая создается в языках в результате их частого употребления в данном составе и в закреплённом за ними смысле». По мнению В.Л.Архангельского, устойчивость фразеологических единиц — это совокупность ограничений в выборе переменных фразеологизма, присущих его членам, что не свойственно компонентам в составе свободного эквивалента фразеологического оборота [Архангельский 1964, 120]. Такое понимание устойчивости основано на внутривидовых признаках фразеологизма. Поэтому В.Л. Архангельский считает необходимым говорить не об устойчивости, а о постоянстве фразеологизмов.

Один из характерных и наиболее последовательных представителей **узкого** подхода к определению объёма предмета фразеологии А.И. Молотков, редактор «Фразеологического словаря русского языка» (1987, 2001), ограничивается анализом абсолютно неделимых в семантическом отношении фразеологических единств типа *себе на уме, не лыком шиты*, которые, с его точки зрения, и в формальном отношении неделимы, так как состоят не из слов. За пределами состава фразеологизмов данный исследователь оставляет: 1) словосочетания, в которых одно слово получает значение, обусловленное только данным конкретным сочетанием слов, например: *девичья память, телячий восторг, осиная талия, глушить водку, зашибать копейку* и т. д.; 2) глагольно-именные словосочетания типа: *дать согласие* — 'согласиться', *одержать победу* — 'победить', которые «соотносятся семантически с соответствующими им глаголами»; 3) глагольно-именные словосочетания типа: *доводить до бешенства, приводить в исступление, впадать в истерику* и т. п. со значением «приводить кого-либо или приходиться самому в определённое состояние», смысл которого выражен сочетанием предлога с существительным; 4) именные и глагольные словосочетания, образованные или путём повторения одного и того же слова в разных формах, или путём сочетания двух слов с одной основой: *дурак дураком..., молодец к молодцу..., из месяца в месяц..., от зари до*

зари..., *криком кричать...*, *сиднем сидеть...* и т. п.; 5) пословицы и поговорки; 6) крылатые слова» (за исключением некоторых, например: *буриданов осёл*, *калиф на час*, *лебединая песня*); 7) «составные термины» [Молотков 1987, 12-13]. Кроме перечисленных разрядов словосочетаний, А.И.Молотков не включает в состав фразеологизмов так называемые «союзные или предложные речения», которые В.В. Виноградов считал сращениями, – типа *до тех пор пока*, *в то время как*, *несмотря на то что*, *не то чтобы*, *добро бы* и др. [Виноградов 2001, 31]. Таким образом, в ряд фразеологизмов редактор словаря помещает лишь идиомы, или, по классификации В.В.Виноградова, «фразеологические сращения» и «фразеологические единства».

Принципы отбора фразеологического материала, сформулированные А.И.Молотковым в его словаре, завоевали большой авторитет среди других фразеолографов. Некоторые из них при составлении своих словарей без каких-либо оговорок опираются на теоретические разработки указанного исследователя. Например, Р.И.Яранцев во вступительной статье к своему словарю-справочнику «Русская фразеология» (1981, 1997) пишет: «За основу для отбора ФЕ (фразеологических единиц. – М.О.) был взят корпус Фразеологического словаря русского языка под редакцией А.И. Молоткова (ФСРЯ), самого серьёзного, научно-обоснованного российского фразеологического словаря XX века» [Яранцев 1997, 7]. Автор предисловия к «Словарю фразеологических синонимов русского языка» (1987) В.П.Жуков также значительно сужает корпус фразеологических единиц [Жуков, Сидоренко, Шкляров, 1987, 3].

«Школьный фразеологический словарь русского языка» под редакцией В.П. и А.В. Жуковых также включает ограниченный перечень словосочетаний, названных в других источниках фразеологизмами. Лексикографический состав данного словаря образуют: а) исконно русские фразеологизмы (их подавляющее большинство), возникшие преимущественно в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний: *сматывать удочки*, *ловить рыбу в*

мутной воде, месить грязь, расправлять крылья, тёртый калач и др.; б) фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка (их сравнительно немного): *ничтоже сумняшеся, как зеницу ока, не от мира сего, притча во языцех, во время оно, святая святых* и под.; в) фразеологизмы, возникшие вследствие метафоризации устойчивых словосочетаний терминологического характера: *удельный вес* ('значение'), *сгущать краски* ('сильно преувеличивать') и т. д.; г) составные бытовые наименования, не принадлежащие к какой-либо строго определённой терминологической системе: *бабье лето, козья ножка* и др.; д) крылатые слова и выражения, относящиеся к греко-римской мифологии (*ахиллесова пята, дамоклов меч, муки тантала*), библеизмы (*манна небесная, умывать руки*), крылатые, связанные своим происхождением с произведениями как русской, так и западноевропейской литературы; е) фразеологические кальки типа *смотреть сквозь пальцы* (из немецкого *durch die Finger sehen*), *не в своей тарелке* (из французского *ne pas etre dans son assiette*)» [Жуковы 1994, 6].

За пределами фразеологического состава словарь Жуковых оставляет фразеологические сочетания *обдавать презрением, обращать внимание, волчий аппетит, девичья память, закадычный друг, заклятый враг, собачий холод* и т. д., устойчивые словосочетания терминологического характера: *восклицательный знак, головной мозг, грудная клетка, позвоночный столб*, а также всякого рода составные наименования (*красный уголок, стенная газета* и т. д.), в которых слова не теряют своих основных признаков, и ряд других сочетаний слов [Жуковы 1994, 6-7].

«Лексико-фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.В.Жукова определяет фразеологизм по несколько иному принципу, чем прошлые труды Жуковых. В новом словаре его составитель отказывается от присущего предыдущим изданиям «метода исключения» (при котором предмет фразеологии очерчивается путём исключения нефразеологических, с точки зрения

составителей, единиц). Критерием выделения фразеологической единицы выступает её соответствие слову: «Основной задачей Словаря является системное описание той части идиоматического фонда современного русского литературного языка, которая обнаруживает отчётливые семантические и деривационные отношения и связи с соответствующими словами свободного употребления. Например, глагольный фразеологизм *тянуть канитель* семантически сближается с глаголами *тянуть*, *канителить*, *канителиться* и именем существительным *канитель*» [Жуков 2003, 4]. Следует заметить, что самоопределение словаря — «лексико-фразеологический» — указывает на приверженность его составителя к набирающей силу в современной лингвистике точке зрения о единстве лексико-фразеологической системы (см., например: [Копыленко, Попова, 1989] и др.).

«Фразеологический словарь русского языка» И.А. Киселёва составлен в соответствии с теми же принципами отбора языкового материала, что и словарь В.П.Жукова, М.И.Сидоренко и В.Т.Шклярова [Киселёв, 1985, 4-5]. Кроме пословиц, И.А.Киселёв (соглашаясь с В.П.Жуковым) не включает в свой словарь: а) фразеологические сочетания, то есть разновидность фразеологизмов, в которых один компонент выступает в связанном, а второй в свободном употреблении: *закадычный друг*, *заклятый враг*, *играть роль*, *потерпеть поражение* и т.п.; б) устойчивые обороты терминологического характера: *берцовая кость*, *двенадцатиперстная кишка*, *инфракрасные лучи*, *квадратный корень*, *нервная система*, *равнобедренный треугольник* и т. п.» [Киселёв, 1985, 5].

Существенно ограничивает корпус предмета фразеологии А.И.Федоров, редактор «Фразеологического словаря русского литературного языка конца XVIII - XX вв.» [Фёдоров 1995, 6].

Узкий подход к определению фразеологического состава русского языка исповедуют (с некоторыми оговорками) и составители «Словаря русской фразеологии» А.К.Бирих, В.М.Мокиенко и Л.И.Степановой. В состав их словаря «включены в первую очередь фразеологизмы в узком смысле слова, то есть

русская идиоматика и те интернациональные обороты, которые характеризуются относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, целостным значением и экспрессивностью. В справочник вошли также некоторые пословицы, устойчивые составные термины, номенклатурные словосочетания, перифразы и крылатые слова, которые либо в какой-то мере претерпели фразеологизацию, либо стали основой для образования фразеологизмов в узком смысле слова. Таковы, например, обороты *веселие Руси есть питии, лучшее - враг хорошего, властитель дум, власть тьмы, зелёная волна* и т. п.» [Бирих, Мокиенко, Степанова, 2001, 8]. Таким образом, составители указанного словаря допускают некоторые отступления от узкого толкования предмета фразеологии. При этом следует отметить, что в предыдущих своих работах названные исследователи избегали включения в предмет фразеологии «некоторых пословиц», «устойчивых составных терминов», «номенклатурных словосочетаний», «перифраз и крылатых слов», вошедших в словарь 2001-го года. Так, в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» (издание 1997 г.) А.К.Бирих, В.М.Мокиенко и Л.И.Степановой под фразеологией понимают лишь «идиоматику, то есть набор фразеологизмов в узком смысле», — и не более того [Бирих, Мокиенко, Степанова 1997, 3-4], а под фразеологизмом — «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивно окрашенное сочетание слов, обладающее, как правило, целостным значением» [там же, 3].

Приверженность узкому подходу в определении предмета фразеологии у разных исследователей может варьироваться в зависимости от их представлений о месте устойчивого сочетания слов в системе языка. Например, упомянутые составители «Словаря фразеологических синонимов» А.К.Бирих, В.М.Мокиенко и Л.И.Степанова при разработке «идеологии» своего сочинения руководствовались представлением об общности слова и фразеологизма. Тем самым исследователи отделили «свой узкий» подход к пониманию объёма фразеологии от «других узких» подходов. В обосновании своих теоретических взглядов названные

фразеографы отмечают: «Ценным лексикографическим опытом систематизации русской фразеологии является... «Словарь фразеологических синонимов русского языка», составленный В.П.Жуковым, М.И.Сидоренко и В.Т.Шкляровым. В нём нашли отражение многие идеи В.П.Жукова, признающего достаточно большую автономность фразеологической системы, то есть независимость её от системы лексической. Вот почему материал словаря систематизируется без соотнесения с лексикой... Ориентация на чисто фразеологическую семантику заставила авторов значительно уменьшить число описываемых синонимических рядов, что также не позволило продемонстрировать всего богатства русской фразеологической системы. Предлагаемый словарь (Бириха, Мокиенко и Степановой 1997 года издания) отличается от словаря под редакцией В.П. Жукова ориентацией на лексическую, а не на фразеологическую смысловую доминанту. С теоретической точки зрения такой подход оправдывается фактом соизмеримости фразеологизма со словом (что отмечено ещё Шарлем Балли), с практической интуитивной привязкой фразеологических синонимов к понятиям, выраженным именно лексемами. Лексика и фразеология имеют много общего в своей семантике, особенно на денотативном уровне. Это и было поставлено составителями словаря во главу угла. Принцип соизмеримости и соотносимости фразеологизма со словом позволил также значительно расширить число синонимических рядов и соответственно фразеологизмов, ставших в словаре предметом описания» [Бирих, Мокиенко, Степанова 1997, 3-5].

Необходимо также отметить, что лексикографическая практика последних лет демонстрирует тенденцию избегать подробных деклараций принципов отбора языкового материала в предисловиях фразеологических словарей. Так, автор словаря-справочника «Фразеологизмы в русской речи» (издание 2002 года) Н.В.Баско ограничивается указанием на то, что «базой для отбора и описания единиц данного словаря... послужила авторская картотека употреблений фразеологизмов в современной речи, в языке СМИ и в произведениях

художественной литературы последних десятилетий XX века» [Баско 2002, 4]. Что именно среди всего разнообразия словосочетаний современной речи, языка СМИ и художественной литературы принималось за фразеологизмы при составлении указанной картотеки, остаётся неясным.

Толковые общие лингвистические словари тем более уклоняются от пространных комментариев по поводу того, какие именно словосочетания принимаются ими за фразеологические единицы. Указания «Как пользоваться Словарём», предваряющие «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова, ограничиваются следующей информацией: «§ 11. Приводятся и объясняются ходячие цельные выражения...» [Ушаков 1940, XXV]. В статье «Как пользоваться Словарём», открывающей «Словарь русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой, указывается: «§ 20. В Словаре даются и объясняются фразеологические обороты и устойчивые выражения современного русского языка. § 21. Кроме фразеологических оборотов в собственном смысле в Словаре даются также а) словосочетания, выступающие в роли наречий, предлогов, союзов (например: *без удержу, в силу, при помощи, тем не менее* и т. п.), б) устойчивые словосочетания, представляющие собой широкоупотребительные составные названия и термины (*железная дорога, габаритные ворота, магнитное поле* и т. п.) <...> § 24. В тех случаях, когда одно из слов выражения допускает замену синонимами, эти синонимы приводятся в скобках с союзом «или», например: *Бросать (или кидать, швырять и т. п.) деньги на ветер*. Также в скобках помещается слово, которое не обязательно в составе данного выражения, например: *Глаза б (мои) не видали*» [Евгеньева 1981, 9].

Во «Введении» к 17-томному «Словарю современного русского литературного языка» сообщается: «Образное употребление данного слова или употребление его в сравнении отмечается в Словаре в тех случаях, когда такое употребление широко свойственно литературному языку или закрепилось в нём как устойчивое сочетание» [ССРЛЯ 1950, XII]. Других упоминаний «устойчивых

сочетаний» в этой вступительной статье не обнаруживается. Вместе с тем размещённый в данном словаре лексический материал свидетельствует о своеобразном отношении его составителей к предмету фразеологии, характерном для раннего исторического этапа в научном осмыслении этого раздела лингвистики. В названном словаре совмещены два подхода в понимании состава фразеологической системы – узкий (как совокупность идиоматических выражений) и широкий (как совокупность всех типов устойчивых сочетаний, включая составные наименования, терминологические сочетания, разнообразные типы устойчивых конструкций с семантически слитными и неслитными компонентами). Так, под заглавным словом *бездна* помещены: *бездна вод, моря; морская бездна; бездна разделяет кого-, что-л.; бездна (лежит, открылась и т. п.) между кем-, чем-л.; (быть) на краю бездны, над бездной; бездна разверзлась (разверста, зияет и т. п.) над кем-л., перед кем-л.; бездна кого-, чего-л.; бездна бездну призывает; бездна премудрости, премудростей; убояться, не одолеть бездны премудрости и т. п.*

Вступительная статья к «Толковому словарю русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой комментирует использование фразеологических оборотов в качестве иллюстративного материала к словарным статьям более подробно: «После толкования значений и примеров (а также возможно и после производных слов в гнезде) даются... так называемые фразеологические выражения. Здесь помещаются только такие выражения, общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова» [Ожегов, Шведова 1996, 7]. Однако и в данном словаре более или менее определённых критериев для вычленения фразеологизмов из всей массы словосочетаний русского языка не устанавливается.

На принципах отбора материала в указанном «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах построен и один из новейших словарей устойчивых словосочетаний – «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А.Н.Тихонова (2004

года издания). Лишь «отдельные образования, представленные в оригинале (17-томном словаре), всё же были сняты, поскольку они (по мнению составителей) не имеют никакого отношения к фразеологии. Это однословные образования... *безобразие* какое-л.; *бежать* от кого-, чего-л.\ *бегать* к кому-л.; *батарея* чего-л., какая-л. и т.п. В то же время в статьях сохранены сочетания *на авось, за глаза, не без того, без малого, без мала, к бесу, для блезиру (для блезира), более того, до боли* и т. п.» [Тихонов 2004, 5]. Кроме того, «сплошной переработке подвергнута парность глаголов» [там же, 4]. Таким образом, «Фразеологический словарь» под редакцией А.Н. Тихонова фактически базируется на широких трактовках предмета фразеологии. Редактор данного издания полагает, что «в настоящее время необходимо разрабатывать основы широкого понимания фразеологии, значительно расширить границы фразеологии за счёт устойчивых сочетаний и выражений» [Тихонов 2004, 4], хотя и не отмечает границ этого расширения.

Итак, лексикографическая практика далеко не всегда последовательно отражает принципы отбора фразеологических единиц. В большей степени эта особенность свойственна толковым и другим нефразеологическим словарям русского языка.

В соответствии с **широким** пониманием фразеологии составлен «Школьный фразеологический словарь русского языка» Н.М.Шанского, В.И.Зими́на и А.В.Филиппова. В него «включались фразеологизмы всех типов, в частности также устойчивые, широко известные и употребительные фразы (афоризмы, пословицы)» [Шанский, Зимин, Филиппов 1995, 4].

Следует учитывать, что некоторые учебные словари проявляют двойственность их составителей в отношении оценки объёма предмета фразеологии. Например, автор «Учебного словаря наиболее употребительных фразеологизмов современного русского языка» А.Ф.Калашникова в теоретическом разделе своего труда широко опирается на позицию Н.М.Шанского

в определении границ фразеологии. Однако на практике исследователь предпочла не вносить в список фразеологизмов: 1) устойчивые глагольно-именные словосочетания (типа *принимать участие, оказывать помощь, вести борьбу*), семантика которых определяется значениями входящих в их состав слов-компонентов; 2) составные термины и названия (*порядок слов, восклицательный знак, красный уголок, стенная газета*); 3) модально-междометные фразеологизмы (*не может быть!, вот это да!, за чем дело стало?, что за вопрос?*); 4) связочные фразеологические единицы (*тем не менее, всё равно, прежде чем*); 5) пословицы, поговорки, крылатые выражения; грубо-просторечные, областные, вульгарные, жаргонные и устаревшие фразеологизмы [Калашникова 1991, 5].

Данная позиция А.Ф.Калашниковой отражает характерную для современной фразеологии тенденцию. Составители новых фразеологических словарей зачастую пытаются нивелировать противостояние узкого и широкого подходов к определению предмета фразеологии. Так, редакторы «Учебного фразеологического словаря русского языка» (1997-го года издания) Е.А.Быстрова, А.П.Окунёва и Н.М.Шанский, отмечая, что «фразеологический состав русского языка очень богат и разнообразен» и «насчитывает десятки тысяч фразеологизмов» [Быстрова, 1997, 6] (в полном соответствии с позицией Н.М.Шанского), в словарь, тем не менее, включают «лишь его основную часть – ядро фразеологической системы русского языка» [Там же, 6]. Таким образом, в качестве «примирителя» широкого и узкого понимания предмета фразеологии составители названного словаря избрали «полевою» модель системы языка. В ядро «поля» фразеологизмов входят устойчивые сочетания, признаваемые, в основном, «узкими» фразеографами, в периферию фразеологического «поля» – сочетания, признаваемые сторонниками широкого понимания предмета фразеологии.

Учёными обсуждается также вопрос о способах подачи фразеологизмов в словарях, что имеет непосредственную связь с нашим исследованием. Представляет интерес, в частности, статья Б.Т. Хайитова «Фразеологизмы в словарях», где предлагается демонстрировать морфологические особенности глагольных фразеологизмов, обусловленные их реальным употреблением. Для этого Б.Т. Хайитов рекомендует следующие способы:

1. фразеологизмы, имеющие все или большинство грамматических форм, в заголовке словарной статьи следует дать в инфинитиве, а при помощи иллюстративных примеров показать другие возможные формы;

2. при фразеологизмах, ограниченных в грамматических формах, желательно поместить все употребляющиеся формы, например: *чем бог послал, чем бог пошлёт*;

3. для фразеологизмов, имеющих только одну грамматическую форму, более целесообразной представляется её фиксация с указанием ограничительной пометы, например: «только в прошедшем времени», «только в 3-м лице» и т. п. [Хайитов, с. 86].

Представленный выше краткий анализ основных фразеологических (а также толковых – в аспекте идиоматики) словарей русского языка обусловил выбор источников настоящей работы. Два фразеологических словаря из рассмотренных нами представляют собой отражение полярных тенденций в современной фразеографии. Упомянутый «Лексико-фразеологический словарь русского языка» А. В. Жукова (2003, Москва), по нашим наблюдениям, составлен на основе тщательного теоретического обоснования отнесения включённых в него сочетаний к предмету фразеологии. Однако скрупулёзное описание фразеологических единиц, видимо, способствовало значительному сокращению их количества – объём словаря образуют «более 1400» фразеологизмов, что значительно меньше количества словарных статей в большинстве других

основных фразеологических словарей русского языка (ср., например, объём словаря А.И.Молоткова – свыше 4000 словарных статей).

Другой источник – «Фразеологический словарь русского языка» М.И.Степановой (2003, Санкт-Петербург) – не упоминается в теоретическом разделе настоящей работы, поскольку его «идеология» практически не поддаётся идентификации. Данный словарь не только лишён вступительной статьи, на основании которой можно было бы судить о принципах формирования его составителями предмета фразеографического описания, но даже не содержит указания на количество словарных статей. Учитывая, что сочетания, отнесённые М.И.Степановой к фразеологизмам, размещены на страницах издания крайне «плотно» (в среднем по 20 фразеологизмов на страницу), и принимая во внимание значительный объём словаря – более 600 страниц, можно предположить, что количество словарных статей в источнике приближается к 12000.

Таким образом, для анализа мы избрали, с одной стороны, один из самых "идеологизированных" (теоретически обоснованных), но и один из самых скудных по содержанию материала современных словарей, с другой стороны – словарь весьма объёмный, однако совершенно избавленный от теоретического обоснования принципов отбора фразеологического материала. Нам представляется, что опора на столь противоположные современные источники послужит большей объективности при анализе выбранных из них фразеологизмов со значением оценки человека.

Другой источник – «Большой фразеологический словарь русского языка» В.Н.Телия (АСТ-Пресс, 2009) не имеет аналогов в мировой лексикографической практике: в толковании значений 1500 фразеологизмов впервые описывается ситуация, в которой употребляется фразеологизм, стилистические пометы и цитаты из всех жанров письменной речи, особенности употребления фразеологизмов. Впервые показаны образно-смысловые «гнезда» фразеологизмов в одной, общей для них словарной статье,

фразеологизмы описываются как знаки «языка» культуры, которая связана с языком и взаимодействует с ним, отражая особенности русского менталитета. Указатель помогает быстро найти любой фразеологизм. Словарь предназначен для лингвистов, культурологов, социологов, историков, писателей, журналистов, преподавателей школы и вузов – для всех, кто хочет знать, как взаимодействуют культура и язык в его фразеологических единицах, как правильно употреблять фразеологизмы в речи.

Национально-культурная семантика языка наиболее ярко проявляется в строевых единицах языка. К их числу принадлежат слова, фразеологизмы и языковые афоризмы (пословицы, поговорки и крылатые выражения).

Афоризмы и фразеологизмы нельзя прямо отождествлять между собой. Фразеологизмы – знаки вещей и явлений, выражающие понятия, они семантически эквивалентны словам. Афоризм – это изречение, выражающее какую-либо обобщенную мысль, это знаки ситуации или отношения между вещами, и семантически они эквивалентны предложениям.

Афоризмы разделяются на речевые (индивидуальные) и языковые (массовые). Языковые афоризмы делятся на группы: пословицы и поговорки (входящие в фольклор), крылатые выражения. Под пословицами понимают краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение. Пословица констатирует свойства людей или явлений, дает оценку или приписывает образ действий. Поговорками называются языковые афоризмы, отличающиеся особой краткостью и имеющие в основном только буквальный план. Это меткие изречения, которые способны в разговоре выразительно и точно охарактеризовать что-либо без помощи сложных пояснений.

Пословицы и поговорки возникли в отдаленной древности и развивались вместе с историей. Они создавались многими поколениями людей, и, как правило,

не имеют автора. Пословицы и поговорки говорят о поведении, нравственных качествах и обычаях людей, об их взглядах на любовь, семью, дружбу и природные явления.

Именно поэтому фразеологические единицы являются предметом пристального внимания лингвистов, культурологов, исследующих разные языки и культуры мира. Большое внимание уделяют фразеологии и арабские лингвисты.

Исследования, проводившиеся в области арабской филологии, носят планомерный и систематический характер. Однако малоисследованной остается область фразеологии.

Устойчивые выражения являются неотъемлемой частью словесного искусства у арабов, хотя большое внимание уделяется также стенографическому запоминанию устной и письменной литературы. Это особенно актуально среди арабов-мусульман, у которых очень распространенным является заучивание частей из Корана; изучение священного письма – не редкостью для верующих людей. Среди многочисленных устойчивых форм в арабском языке, пожалуй, самой распространенной является арабская пословица.

Старейшим сохранившимся филологическим трактатом об арабских пословицах является книга Mufaddal Ibn Salamah al-Dabbi «Китаб аль-Амсаль» (Книга пословиц), написанная в восьмом веке. Ibn Salamah, иракский (Куфа) филолог и крупный специалист по доисламской поэзии, умер где-то во втором веке по хиджре. Его работа о пословицах, одна из самых известных коллекций арабских классических пословиц, была одной среди многочисленных работ по различным темам.

Примерным соответствием терминам «паремия», «пословица», «поговорка», «афоризм» в арабском языке можно считать مَثَلٌ (мн.ч. أَمْثَالٌ). Однако этот термин широко употребляется в арабском языке и в значениях «пример», «подобие», «сравнение», «притча», а также как синоним термину تَمْثِيلٌ («развернутая метафора») и как собственно пословица.

Паремии в арабском языке помимо термина *مَثَلٌ* обозначаются также терминами *حِكْمَةٌ* «мудрость», «мудрое изречение» *قَوْلٌ* «высказывание», «речение», «цитата», *عِبْرَةٌ* «поучение», «назидание», «поучительный пример», *وَعِظٌ*, *مَوْعِظَةٌ* «назидание», «увещевание», «предписание»

В качестве критериев определения фразеологизма в арабском языке называют в различных комбинациях устойчивость, целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих его слов, раздельнооформленность, возможность структурных вариантов, или новообразований, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки. В целом фразеологизм характеризуют как сочетание с «идиоматическим значением», как «устойчивую фразу». Во фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску и т.д.

В арабской классической науке о языке (фикх ал-луга, илм ал-лисан) фразеологии как самостоятельного направления не существовало. В связи с этим «фразеологический материал» исследовался в таких ее разделах, как илм ал-балага «наука о красноречии» (риторика) и илм ал-луга «наука о словарном составе» (лексикология).

Лексикология, включая лексикографию, была одним из наиболее важных разделов арабского классического языкознания, которому придавалось исключительно большое значение. В этой области были достигнуты значительные успехи в арабоязычном научном мире, на что указывал, в частности, известный английский арабист Дж. Хейвуд: «... в составлении словарей и в выполнении других лексикографических трудов арабы — или, точнее, те, кто писал на арабском языке, [...] до эпохи Возрождения уступали разве только китайцам... [Составлявшиеся арабами] общие и специальные словари и словники доказывали их превосходство в этой области в то время, когда подобные труды практически не были известны в Западной Европе» [Ушаков 1996, 14]. Подобный интерес к лексикографии и лексикологии, пробудившийся в X – XI вв., не в последнюю

очередь объясняется вниманием к изучению Корана [Белкин 1975, 165 – 166] и задачами распространения арабского языка в пределах широко раздвинувшего свои границы Аббасидского халифата.

Говоря об арабской «науке о красноречии», необходимо обратиться к трудам известного арабского ученого Джурджани, занимавшемуся вопросами сочетания лексических значений и «соблюдения» грамматических значений. Язык, по Джурджани, не имеет прямого отношения к «красноречию». «Если мы говорим о доходчивости и ясности, то нет дела до значений отдельных слов, от которых нам нет пользы, – пишет Джурджани. – Мы ведь стремимся к суждениям, которые создаются в результате сочетания и соединения» [1948, с. 57]. При этом подчеркивается, что имеется в виду, прежде всего, сочетание значений, а не словесных оболочек. В процессе порождения речи говорящий «располагает слова соответственно тому, как располагаются значения в [его] сознании» (fi n-nafs) [1948, с. 40], и цель этого словорасположения заключается не в том, чтобы «словесные оболочки следовали одна за другой в произношении, а в том, чтобы были упорядочены их обозначения (далалатуха) и были бы соединены их значения (ал-ма'ани) соответственно требованиям разума» [1948, с. 41].

Арабский ученый Абу ль-Бака аль-Куфи в своей работе «Общие понятия» («Аль-куллийат») дает следующее определение пословиц: «**Пословица** («**масаль**») – название словесного высказывания, которое определяет некое явление иносказательно и используется и в радости, и в горе. Она красноречивее, выразительнее других афористических высказываний... Люди широко используют ее для выражения своих мыслей обиняком, при этом условием является красота выражения» [Аль-Фахури, Хана, с.8]. «Пословица характеризуется четырьмя свойствами: краткостью высказывания, здравостью смысла, выразительностью аллегории, благородством формы. Она – вершина и предел красноречия». Так определяет пословицы Ибрагим Ан-Наззам, учитель Аль-Джахиза, оратор и поэт [Аль-Фахури, Хана, с.8]

В нашей работе исследование фразеологических единиц проводится на фоне арабских устойчивых выражений, нашедших лексикографическое отражение в арабской лингвистической науке.

§2. Фразеология в системе лингвокультурологического знания

Фразеологизмы являются одним из ярчайших, наиболее образных и эмоционально выразительных средств языка. Их появление в языке и смысловая трансформация связаны со сменой эпох, различными изменениями в общественной и политической жизни общества, социальными преобразованиями и т.п. Наши условия жизни (в прямой зависимости от менталитета) постоянно порождают что-то новое в сознании людей, что довольно быстро находит отражение в их речи. Так образуются и новые фразеологизмы, которые входят в состав современного языка и, активно употребляясь, обогащают его новыми выразительными средствами. Изучение данного вопроса неразрывно связано с такими научными областями, как методики преподавания языка на разных образовательных уровнях, культура речи, этикет, риторика и др.

При рассмотрении проблемы национально-культурного своеобразия фразеологизмов следует учитывать тот факт, что в настоящее время существуют несколько различных подходов к выявлению национально-культурной составляющей фразеологических единиц, имеющих различную методологическую базу, различные методы исследования, отличающиеся друг от друга степенью охвата фразеологического материала. Такое разнообразие методов исследования обусловлено тем, что на современном этапе язык рассматривается в широком экзистенциальном и понятийном контексте бытия человека, потому и исследование фразеологизмов русского языка возможно только в общекультурном контексте прошлого, настоящего и будущего носителей языка.

Если рассматривать фразеологизмы вне временного контекста, то следует обращаться к совокупности всех уже имеющихся в культуре и языке кодов, знание

которых заложено в пределах изучения такой дисциплины, как лингвокультурология. Данная лингвистическая дисциплина в области изучения фразеологизмов ориентируется на соотношение фразеологизмов и знаков культуры, помогая тем самым выявить специфические элементы русского менталитета, а именно характеристики его нелинейности и психологически тонкой чувствительности. Фразеологизмы играют значительную роль в формировании миропонимания как отдельной личности, так и языкового коллектива. В этой связи исследование фразеологизмов как составляющей языкового образа человека может помочь определить векторы дальнейшего направления развития культуры народа, что и является составляющей лингвострановедения как области лингвистической науки.

Для получения полной картины национально-культурных особенностей фразеологизмов как языковой системы используются разнообразные подходы к их изучению – лингвострановедческий, контрастивный, лингвокультурологический и когнитивный.

Как известно, лингвокультурология как научное направление в лингвистике существует относительно недавно (последняя четверть XX века), но уже успело прочно занять свои позиции наравне с остальными филологическими направлениями. В обиходе лингвистов термин "лингвокультурология" появился в связи с работами фразеологической школы В.Н.Телия и публикациями В.В.Воробьева, В.А.Масловой и др. До сих пор не существует единого мнения относительно общепринятого определения, статуса, предмета и методов лингвокультурологии. В настоящее время теоретико-методологическая база этой дисциплины находится на стадии становления. Общепринятым является определение лингвокультурологического исследования как изучения языка в неразрывной связи с культурой [Лучинина 2004, 238-243].

Если мы обратимся к гипотезе Сепира-Уорфа, то увидим, что в данном аспекте лингвокультурология представляет собой «целостное теоретико-

описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей, отражённых в языке, контрастивный анализ лингвокультурологических сфер разных языков (народов) на основании теории лингвистической относительности» [Брутян 1968]. В основе гипотезы Сепира-Уорфа лежит мысль о том, что основную роль в процессе познания человеком окружающего мира играет язык [Брутян 1968]. «На основании материала, полученного в процессе исследований языков североамериканских индейцев, они пришли к выводу о влиянии языковых категорий на мышление. Согласно гипотезе языковой относительности, наличие различных категорий в разных языках свидетельствует о том, что носители этих языков по-разному концептуализируют окружающий мир» [Лучинина 2004, 238-243].

По мнению В.В. Воробьева, лингвокультурология – это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов с их ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997, 36-37].

Основным объектом лингвокультурологии автор называет «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования и изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности», а предметом данной дисциплины являются, по его мнению, «национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях», – все, что составляет «языковую картину мира» [Воробьев 1997, 32].

Изучение лингвокультурологических объектов предлагается проводить с помощью системного метода, заключающегося в единстве семантики, сигматики, синтактики и прагматики и позволяющего получить «целостное представление о

них как единицах, в которых диалектически связаны собственно языковое и внеязыковое содержание» [Воробьев 1997, 43].

В.В.Красных в своих научных работах дает такое определение лингвокультурологии: «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанная с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002, 12]. Этот ученый выдвигает предложение об использовании лингво-когнитивного подхода к исследованию коммуникации, т.к. такой подход позволяет проанализировать как её общелингвистический аспект, так и национально-детерминированный компонент [Красных 2002, 20-21]. Однако В.В.Красных в своих исследованиях не проводит четкой границы между этнопсихолингвистикой и лингвокультурологией: утверждается общность их проблематики; теоретической предпосылкой возникновения и той, и другой считается гипотеза Сепира-Уорфа; не выявляются различия в методах исследований.

В.И.Карасик, представитель Волгоградской лингвистической школы, рассматривает лингвокультурологию как «комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» [Карасик 2002, 103] и делает акцент на ее сопоставительном характере. За основную единицу данной дисциплины он предлагает взять культурный концепт, а за единицу анализа – реалии и «фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа» [Карасик 2002, 127, 129].

Другие представители Волгоградской лингвистической школы Е.И.Шейгал и В.А.Буряковская говорят о лингвокультурологии как о дисциплине, изучающей «отдельные объекты концептуальной картины мира и их осмысление общественным сознанием и языком с точки зрения объекта отражения, одним из

которых является этнос» [Шейгал, Буряковская 2002, 9]. Особое внимание в исследовании авторы уделяют лингвокультурологическому потенциалу этнонимов, входящих в состав устойчивых сочетаний, а также специфике функционирования этнонимов в текстах статей, рассказов и анекдотов [Лучинина 2004, 238-243].

Н.Ф.Алефиренко рассматривает лингвокультурологию как самостоятельную область филологической науки и большое внимание уделяет изучению такого аспекта, как методология в лингвокультурологии. Так, им выделено несколько методов. Диахронический метод («основан на сравнительном анализе различных лингвокультурных единиц во времени») [Алефиренко 2010]; синхронический метод, в основе которого лежит сравнение одновременно существующих лингвокультурных единиц; структурно-функциональный метод, основанный на разделении объекта культуры на составляющие и выявлении связей между ними; историко-генетический метод, базирующийся на изучении возникновения и развития лингвокультурного факта; типологический метод, помогающий проанализировать связь историко-культурного процесса с различными лингвокультурными единицами; сравнительно-исторический метод, в основе которого лежит сопоставление лингвокультурных единиц с точки зрения их самобытности в проекции временного фактора [Алефиренко, 2010]. Хочется отметить, что все перечисленные выше методы могут не только быть применимы к анализу фразеологизмов вообще, но и с большой точностью помочь установить связи в развитии ментальности народа и формировании его языковой картины мира.

О.Е.Опарина высказывает мысль о том, что «лингвокультурология развивается и оформляется как комплексная дисциплина, изучающая связи языка и культуры как целостных систем, в единстве их системных характеристик и функционирования» [Опарина 1999]. Она говорит о том, что в основе лингвокультурологии находится «круг проблем, касающихся взаимодействия

языка и культуры как целостных систем в единстве их системных характеристик и функционирования» [Опарина 1999].

О.Е.Опарина в своих исследованиях акцентирует внимание на том, что лингвокультурология «отличается от ряда ранее сформировавшихся исследовательских направлений, изучающих взаимоотношения языка и культуры, материалом, целью и методом анализа» и имеет статус пограничной дисциплины [Опарина 1999].

Исходя из того, что для данной лингвистической дисциплины особую ценность представляют взаимоотношения языка и культуры, следует рассмотреть основные наметившиеся подходы по изучению подобной взаимосвязи. Так, философы С.А.Атановский, Г.А.Брутян, Э.С.Маркарян и др., исходя из одностороннего воздействия культуры на язык, формируют первый подход на базе того, что изменения действительности влекут за собой изменения культурно-национальных стереотипов и языка как такового [Маслова 1997, 34].

Второй подход связан с именами В.Гумбольдта, А.А.Потебни, И.Л.Вайсгербера, Н.И.Толстого, Е.Бартминьского и др. Данный подход противоположен первому, потому что здесь подчеркивается влияние языка на культуру. До сих пор подобный аспект остается спорным [Опарина, 1999].

Третий подход базируется на взаимосвязи, взаимодействии и взаимопроникновении языка и культуры и отражает в себе два предыдущих подхода. Данный подход связан с именами таких ученых, как Р.А.Агеева, В.В.Иванова, Т.В.Гамкрелидзе, В.Н.Топорова, Т.В.Цивьян, Н.И.Толстой и др. [Опарина, 1999].

Третий подход является основным в развитии лингвокультурологии как научного направления со своими целями и задачами.

По мнению О.Е.Опариной, в основе понимания лингвокультурологии как лингвистической науки лежит понятие «культурная коннотация». Это «интерпретация денотативного или образно мотивированного аспектов значения в

категориях культуры» [Телия 1996, 214]. В данном случае важно отметить, что «именно фразеология наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры. Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание (включающее также культурно маркированные реалии), а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном пространстве» [Телия 1996, 215]. Высказанная В.Н.Телией мысль подтверждает важность изучения фразеологизмов для понимания менталитета народа, стереотипов его поведения, психологического настроения в разные эпохи и д.т. На наш взгляд, изучение и анализ фразеологизмов вносит большой вклад в изучение языковой картины мира как таковой.

По мнению Т.З.Черданцевой, именно в области фразеологии отражается видение мира, национальная культура, традиции и обычаи народа. Особенно явно это просматривается в идиомах, для которых характерна полная трансформация с прямого на переносное значение. Это особенно характерно для идиоматики, где часто наблюдается полный отрыв слов-компонентов от их словарного значения [Черданцева 1996, 58]. Информация, которую несут в себе фразеологизмы, интерпретируется в двух аспектах: «универсальность в идиоматике выражается через дефиницию (дескриптор), а особенность, индивидуальность, выбор стереотипов – через образную внутреннюю форму» [Черданцева 1996, 69].

Линвокультурология как термин имеет довольно большое количество интерпретаций, и в зависимости от того, к работам каких авторов мы обращаемся, мы отмечаем ту или иную грань, основную мысль, которую автор вкладывает в это понятие. Но в каждом из определений, несомненно, прослеживается прямая связь семантических воплощений языковых единиц с национальным менталитетом, культурой общения, степенью образования и другими особенностями духовного и умственного развития человека. И, конечно же, большую роль в этом процессе познания народом самого себя играет

преемственность поколений, их связь, что проявляется в использовании в речи отдельных людей фразеологизмов. Эту мысль подтверждает Е.Н. Лучинина: «Общепринятым является определение лингвокультурологического исследования как изучения языка в неразрывной связи с культурой. Самым популярным материалом, иллюстрирующим особенности мировоззрения носителей языка, являются фразеологизмы и паремии» [Лучинина 2004, 238-243].

На рубеже XX-XXI веков в российской и зарубежной лингвистике появилось достаточно большое количество работ, посвященных лингвокультурологической проблематике, в которых данная проблематика рассматривается с разных углов зрения [Лучинина 2004, 238-243]. «В целом, термины «лингвокультурология» и «лингвокультурологический» фигурируют в названиях многих исследований последнего десятилетия, однако дефиниции этих понятий, равно как и методы лингвокультурологического исследования далеко не всегда обосновываются авторами» [Лучинина 2004, 238-243]. Так, Ю.С. Степанов в своей работе «Константы: Словарь русской культуры» [Степанов 2001] акцентирует внимание на актуальных для носителей русского языка концептах и комментирует их. В исследованиях В.Н. Телии предметом анализа являются фразеологизмы с целью описания их культурно-национальных коннотаций и выявления влияния менталитета индивидуума и народа в целом [Телия 1996]. В работе Н.Д. Арутюновой «Язык и мир человека» речь идет об универсальных терминах культуры в контексте текстовых вариаций разных эпох и национальностей [Арутюнова 1999].

Как было отмечено выше, наряду с термином «лингвокультурология» существует термин «лингвокультурологический», который часто понимается учеными-лингвистами весьма неоднозначно. Некоторые исследователи в его основу вкладывают понятие языковой политики (например, Е.Ю. Артемьева).

Лингвокультурология, как уже говорилось ранее, является относительно новой дисциплиной, которая начала формироваться не так давно, что, несомненно,

определяет необходимость разработки основных понятий, методов и объектов исследования для данной области науки. Довольно много внимания этому уделено в работах И.Г.Ольшанского [Ольшанский 1999, 10-26] и Е.О.Опариной [Опарина, РАН, 1999, 27–36]. В частности, ими анализируются такие понятия, как «культурная коннотация и культурно-языковая компетенция, языковая картина мира, таксоны (знаки, категории) культуры и способы их представленности в языковых знаках. Особого внимания заслуживает такой пласт языка, как фразеология, которая, вследствие своего образного и экспрессивно-оценочного характера, является средоточием культурно значимой информации. Анализируются коммуникативно-прагматические параметры интерпретации текстов, во многом зависящие от имеющихся у коммуникантов культурных установок и фоновых знаний» [Опарина 1999].

Знаменитые ученые Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, анализируя подобный пласт филологического учения, вводят в обиход термины «лингвокультуроведение» и «лингвострановедение», которые, по их мнению, «в общем и целом называют одну и ту же область знания» [Верещагин, Костомаров 2005, 37], т.к. в основе и того, и другого термина лежит понятие культуры как таковой и понимание языковой картины мира как базиса человеческого восприятия мира вообще. Особое внимание при изучении данного аспекта в лингвистике Е.М.Верещагин и В.Г. Костомаров уделяют национально-культурной семантике фразеологизмов, которые изучаются в рамках фразеологии.

Известно, что семантическая составляющая фразеологизмов любого языка характеризуется двуплановостью: кроме идиоматического значения, фразеологизмы сохраняют семантику своих прообразов – свободных сочетаний слов. У основного количества фразеологизмов данные прообразы можно выявить, рассматривая их в историко-временном разрезе, т.е. с точки зрения диахронии. Установление подобных связей дает возможность выявления особенностей

культуры, способов познания и осмысления окружающей среды, менталитета народа.

Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, основываясь на анализе фразеологии русского языка, выявляют три составляющие, которые демонстрируют национально-культурную ценность фразеологизмов:

- фразеологизмы «отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т.е. своими идиоматическими значениями»; некоторые из них «называют также явления прошлого и настоящего нашей страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах» (например, похвальная грамота, бить в набат, казанская сирота и др.) [Верещагин, Костомаров 2005, 178];

- «русские фразеологизмы отражают национальную культуру расчлененно, единицами своего состава» [Верещагин, Костомаров, 2005, 178]; некоторые из них относятся к безэквивалентной лексике (например, фразеологизм «лыка не вяжет» имеет значение «пьяный, много выпивший и поэтому очень плохо говорящий»; можно предположить, что изначально данная лексическая единица была связана с изготовлением лаптей, плетению (вывязыванию) которых мешало нетрезвое состояние мастера);

- «фразеологизмы отражают русскую национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое» (например, от корки до корки (о грамотности), куча мала (о детских играх), гроша ломаного не стоит (о денежной системе), вить веревки (о ремеслах) и др.) [Верещагин, Костомаров 2005, 179].

По мнению Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, нужно говорить о национально-культурной семантике фразеологизмов и афоризмов, представленных пословицами, поговорками, крылатыми словами, призывами и лозунгами, естественнонаучными формулировками, разграничивая эти понятия.

Под языковым афоризмом они понимают фразу, «которая известна практически всем носителям языка и поэтому в речи не творится заново, а извлекается из памяти» (Верещагин, Костомаров 2005, 186). Т.е., одновременно можно говорить о том, что это мысль (суждение) и фраза в синтаксической оформленности, отличительным признаком которой является воспроизводимость» [Верещагин, Костомаров 2005, 189].

Рассмотрим каждую составляющую афоризма.

1. Пословицы и поговорки – «устные краткие изречения, восходящие к фольклору» [Верещагин, Костомаров 2005, 186]. Пословицы в основном отмечают свойства людей или явлений, дают им оценку и прогнозируют развитие ситуации (например, *век живи, век учишь; ученье – свет, а неученье – тьма; не имей сто рублей, а имей сто друзей* и др.) говоря другими словами, данный лексический пласт – олицетворение «народной мудрости». Поговорки же относятся к разряду эмоционально-экспрессивной лексики, т.к. посредством их люди часто выражают свои чувства. Поговорку часто ассоциируют с определенной типовой ситуацией. В отличие от пословицы, которая редко предстает перед нами с искажением или в усеченном виде, лексические составляющие поговорок допускают как варьирование, так и усечение (например, *посмотрит – рублем (деньгой) подарит (одарит), из молодых, да ранних (из ранних)* и т.д.) [Верещагин, Костомаров 2005, 186].

2. Крылатые слова – цитаты из литературных источников, образные выражения, краткие изречения знаменитостей. Иногда они могут быть представлены и одним словом (например, «*Поехали!*» Ю.А. Гагарина), чаще – несколькими словами. От пословиц и поговорок крылатые слова отличаются как происхождением, так и сферой употребления [Верещагин, Костомаров 2005, 186 – 187].

3. Отдельной группой стоят призывы, девизы, лозунги, выражающие философские, социальные и политические воззрения. Учитывая, что в

современном мире данные сферы подвержены значительным и довольно быстрым изменениям, лексические единицы этой группы довольно быстро могут переходить из активного языкового состава в пассивный. Например, во времена Великой отечественной войны очень популярным был лозунг-призыв «*За родину, за Сталина!*». Современные лозунги-девизы с откровенной политической окраской во времена предвыборных кампаний типа «*Голосуй за (ФИО), или проиграешь!*» еще меньше держатся в языковом активе в силу временного фактора и т.д. [Верещагин, Костомаров 2005, 187].

4. Общественно-научные формулы и естественнонаучные формулировки. Данная группа в настоящее время практически ушла в языковой пассив в силу того, что пик популярности подобных лексических единиц приходился на советские времена. Например, *бытие определяет сознание, труд создал человека* и т.д. [Верещагин, Костомаров 2005, 188].

Афоризмы, по мнению Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, в языке, наряду с функцией выражения национально-культурного своеобразия и номинативной функцией (констатация чего-либо), выполняют еще две основные взаимосвязанные функции – кумулятивную и директивную. Рассмотрим данные функции.

Кумулятивная функция – функция «фиксации, хранения и передачи немалого объема информации о постигнутой обществом действительности» [Верещагин, Костомаров 2005, 195]. В данном случае речь идет о наложении коллективного человеческого опыта и индивидуализма автора в понимании семантики афоризма. Кроме того, не следует забывать о том, какое влияние на возникновение и последующее существование в языке афоризма оказывают история, культура, географическое положение государства, природные аномалии, смены времен года, религиозные воззрения и др. Вспомним, например, афористическое выражение «*Вот тебе, бабушка и Юрьев день*». Семантика данной фразы связана с историческими событиями в Российском государстве – отменой в 1649 году

возможности перехода крестьян от одного хозяина к другому в Юрьев день 9 декабря. Также не нужно забывать о том, что пословицы и поговорки народного календаря, связанные со сменой времен года, временем посева и уборки урожая и т.п., в связи с переходом от язычества к православию на Руси стали ассоциироваться с днями поминовения и почитания святых. Например, *«После Солнцеворота хоть на воробьиный скок, да прибудет денек»* – данный афоризм, подчеркивая явно языческую подоплеку, приобрел в связи с принятием православия другой смысл – день памяти святого Спиридона, или Спиридона-Солнцеворота, как называли его в народе, который отмечается 25 декабря.

Директивная функция находится в неразрывной связи с кумулятивной функцией афоризмов и воздействует на личность, формируя ее, т.е. в ней прослеживается дидактическая направленность. Например, пословица *«Терпение и труд все перетрут»* должна настраивать человека на то, что важно воспитывать в себе терпение (вспоминается *«Терпение – добродетель»*) и трудиться не покладая рук, чтобы достичь результата. В данном случае важна мотивация труда. Или крылатое выражение *«Словом можно ранить (убить)»* предупреждает о том, что нужно с большим вниманием относиться к тому, что и в какой форме ты говоришь. Таких примеров можно привести множество.

Таким образом, Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров подчеркивают мысль, что разные типы фразеологических единиц (каждая в своем роде) отражают культуру народа вообще, языковую культуру, менталитет.

Тем же путем при рассмотрении проблематики лингвокультурологии и определения рамок ее компетенции в области изучения фразеологических единиц идет В.А.Маслова. Она говорит о том, что лингвокультурология – это «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии» [Маслова 2001, 9], «гуманитарная дисциплина, изучающая воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [Маслова 2001, 30], «интегративная область знаний,

вбирающая в себя результаты исследований в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» [Маслова 2001, 32]. По мнению В.А.Масловой, предметом лингвокультурологии должны быть слова и выражения, служащие предметом описания в данной науке [Маслова 2008, 23]. Ею подчеркивается, что особенно важно и нужно изучать лингвокультурологию как лингвистическую науку, основываясь на исследовании фразеологизмов, метафор, символов и др., потому что именно они являются «ценнейшим источником сведений о культуре и менталитете народа, в них как бы законсервированы мифы, легенды, обычаи. Известный русский языковед Б.А.Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [Маслова 2001, 4].

Как уже было отмечено, фразеологические единицы являются наиболее показательным лексическим материалом для лингвокультурологии в связи с тем, что их внутренняя форма, воплощающая в себе мотивированность, часто содержит элементы национально-культурного плана, так как фразеологизмы возникают на основе «образного представления о действительности, отображающего по преимуществу обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с его культурными традициями» [Телия 1993].

Подтверждая мысль о том, что культура (культурный менталитет) неразрывно связана с языком и находит в нем свое отражение, в частности, это касается фразеологических единиц, В.Н.Телия выдвинула гипотезу взаимопроникновения культуры в язык и языка в культуру и доказала ее. Суть данной гипотезы заключается в том, что «если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней, т.е. служить своего рода «звенком», соединяющим в единую цепь «тело знака» (а для знаков вторичной номинации – это и «буквальное значение» самого означающего) – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п. знаки национальной

и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [Телия 1996, 215]. Особо было отмечено положение фразеологизмов: для них средством воплощения культурно-национальной специфики является образное основание, внутренняя форма фразеологизма, образная гештальт-структура (часто включающая в себя культурно маркированные компоненты, обозначающие «культурные» реалии). Способом же указания на культурно-национальную специфику является «интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества» [Телия 1996, 215].

В области фразеологии, основываясь на данных, выявленных В.Н.Телией, можно выявить источники интерпретации фразеологизмов с точки зрения их культурных связей и языкового менталитета. Эту мысль поддерживает и В.А.Маслова: «На фоне объекта исследования... можно выделить несколько его предметов, каждый из которых тоже состоит из отдельных лингвокультурологических единиц. Мы выделили 9 таких предметов, но их количество может быть ещё увеличено: 1) объект лингвострановедения – безэквивалентная лексика и лакуны; 2) мифологизированные языковые единицы: обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке; 3) паремиологический фонд языка; 4) эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; 5) образы; 6) стилистический уклад языков; 7) речевое поведение; 8) взаимодействие религии и языка; 9) область речевого этикета» [Маслова 1997, 12].

В заключение хотелось бы отметить, что у разных ученых-лингвистов существуют разные подходы как к пониманию фразеологизмов (их составляющих частей), так и к пониманию аспектов освещения лингвокультурологии как науки. Но все они сходятся во мнении, что фразеологические единицы русского языка имеют прямую связь с менталитетом, культурой, уровнем образования, географическим положением, общественно-политическим строем, религиозными верованиями и другими, отнюдь не языковыми факторами. Если это утверждение

подтверждено результатами многочисленных исследований для русского языка, то можно предположить, что оно применимо и для характеристики других языков.

Соответственно, можно предположить наличие подобного и в арабском языке, что дает возможность провести сопоставительный анализ фразеологизмов русского и арабского языков, подразумевая при этом определение фразеологизма как более широкого понятия (вслед за такими лингвистами, как Н.М.Шанский, Р.Н Попов и др.) – с включением в состав фразеологических единиц таких составляющих, как пословицы, поговорки и др.

§3.Русская фразеология в языковой картине мира

Фразеологическая картина мира (далее ФКМ) есть фрагмент языковой картины мира (далее ЯКМ). Фразеологический фонд языка – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в нем как бы законсервированы представления народа об окружающем его мире. «ФКМ – это универсальная, свойственная всем языкам, образная система особых языковых единиц, передающих особенности национального мировидения» [Хайруллина 1999]. Фразеологическая картина мира позволяет выявить общечеловеческие и национально своеобразные свойства во фразеологической системе разных языков. Проблеме универсального и национального во фразеологии посвящены работы Д.О.Добровольского, Э.М.Солодухо, Ю.П.Солодуба, С.Г.Шафикова и др.

ФКМ характеризуется отличительными признаками, наиболее важными среди которых являются:

1. Универсальность, которая обусловлена:

а) самим фактом существования в каждом языке фразеологических оборотов (далее ФО);

б) невыводимостью целостного значения идиомы из суммы лексических значений составляющих её компонентов, из их семантической сочетаемости;

в) общими законами фразообразования в разных языках, наличием «тождественных или сходных фразообразовательных моделей», универсальностью тематико-идеографического принципа классификации фразеологизмов.

2. Экспрессивность, включающая в себя образность и модальность.

Для выявления национального своеобразия мировидения народа необходимо сопоставление хотя бы двух языков. Сопоставительный анализ фразеологических систем предполагает изучение компонентного состава, выявление способов фразообразования, обусловленных грамматическим строем языков. Методам контрастивного сопоставления языков большое внимание уделяется в работах отечественных лингвистов Н.А.Баскакова, В.Г.Гака, Б.А.Серебренникова, З.Г.Ураксина, а также зарубежных ученых Б.Потье, К.Джеймса и др.

История и культура русского народа формировались на протяжении многих столетий и также нашли воплощение в его представлениях о бытии, человеке, в традициях и обычаях, нормах поведения и оценках событий и явлений, которые в совокупности формируют национальную картину мира. О специфике русского национального характера пишут Д.С.Лихачев, Н.О.Лосский, В.О.Ключевский, Г.Д.Гачев, С.Г.Тер-Минасова, А.Вежбицкая, К.О.Касьянова, Н.В.Уфимцева, И.И.Валиев и др. Согласно мнению исследователей, для русского человека характерны повышенная деликатность, нежелание затруднить, обидеть другого человека; сердечность и, следовательно, совестливость, справедливость, легковёрность, доверчивость, гостеприимство, опытность, общительность, корпоративность, патриотизм. Для русского национального характера свойственны любопытство, повышенный интерес и доброжелательство к иностранцам и иностранному образу жизни, культуре, видению мира. Для носителей русского языка характерна тенденция к повышенной эмоциональности, к так называемой переоценке реалий и ситуаций. Изучению образа жизни русского народа, его традиций и обычаев как основы фразеологического описания

феномена человека посвящены труды Е.М.Верещагина, В.Н.Телии, В.М.Мокиенко, Е.С. Яковлевой, Р.Х.Хайруллиной и др.

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение картиной мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски, так называемую **русскую языковую картину мира**. Однако смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую концептуализацию мира, общую для всех говорящих на данном языке. Напротив того, представления, формирующие языковую картину мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде и в норме не попадают в фокус внимания говорящих. В результате человек, говорящий на данном языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь и сам того не замечая; у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь.

При сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные. Так, носителям русского языка кажется очевидным, что в психической жизни человека можно выделить интеллектуальную и эмоциональную сферу, причем интеллектуальная жизнь связана с головой, а эмоциональная – с сердцем. Мы говорим, что у кого-то светлая голова или доброе сердце; думаем и запоминаем головой (поэтому, задумавшись, мы подчас «чешем в затылке», а внезапно вспомнив что-то, мы можем стукнуть себя по лбу), а чувствуем сердцем и, переволновавшись, хватаемся именно за сердце. Мы понимаем, что иногда бывает так, что «ум с сердцем не в ладу». Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что такая картина мира вовсе не универсальна. Скажем, в

языке ифалук внутренняя жизнь связывается с кишками, а в языке догон подобную же роль играет печень. В древнееврейской концептуализации мира сердце является органом понимания, так что используемое в русском переводе Священного Писания словосочетание *ожесточение сердец* указывает в первую очередь на непонятливость, а не на бесчувствие и жестокость, как это может казаться современному русскому читателю. Разумеется, это связано не с особенностями анатомии носителей различных языков, а с тем, что концептуализация мира в различных языках оказывается различной.

Истинность неявных компонентов смысла, формирующих концептуализацию мира, носители языка обычно воспринимают как нечто само собою разумеющееся, пока кто-то не поставит ее под сомнение. Таким образом, в соответствии с предложенным пониманием «языковая концептуализация мира некоторого языка» – это система представлений, входящих в значение языковых единиц данного языка. Сравним следующие представления, характерные для русской языковой концептуализации мира: «в жизни всегда может случиться нечто непредвиденное» (если что, в случае чего, вдруг), но при этом «все равно не предусмотрись» (авось).

В последнее время выражение «картина мира» получило широкое употребление в самых различных областях гуманитарных наук. Понятие картины мира действительно важно для современной науки, но оно требует четкого определения, поскольку неопределенность данного понятия и вольное обращение с ним не позволяет представителям разных дисциплин понять друг друга, достичь согласованности в описании картины мира средствами разных наук. Особенно важно определить это понятие для лингвистики и культурологии, которые в большей степени, чем другие науки, используют в последнее время данное понятие.

Полагаем, что к проблеме **общего определения понятия картины мира** следует подойти с общенаучной, гносеологической точки зрения, что позволит разграничить принципиально различающиеся виды **картины мира**.

Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать **упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании**.

Как полагают З.Д.Попова и И.А.Стернин [Попова, Стернин 2007, 93], принципиальным представляется разграничение двух картин мира – непосредственной и опосредованной.

Непосредственная картина мира – это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности как при помощи органов чувств, так и при помощи абстрактного мышления, которым располагает человек [Попова, Стернин 2007, 93]. Также ученые указывают, что, в зависимости от способа получения картины мира, «она может быть рациональной и чувственной; диалектической и метафизической; материалистической и идеалистической; теоретической и эмпирической, научной и «наивной», естественнонаучной и религиозной; физической и химической и т. д» [Попова, Стернин 2007, 94].

Когнитивная картина мира в сознании личности системна и влияет на восприятие личностью окружающего мира:

- предлагает классификацию элементов действительности;
- предлагает приемы анализа действительности (объясняет причины явлений и событий, прогнозирует развитие явлений и событий, предсказывает последствия событий);
- упорядочивает чувственный и рациональный опыт личности для его хранения в сознании, памяти [Попова, Стернин 2007, 95].

Для нашей работы интересен вывод ученых о том, что «национальная картина мира обнаруживается в единообразии поведения народа в стереотипных

ситуациях, в общих представлениях народа о действительности, в высказываниях и «общих мнениях», в суждениях о действительности, пословицах, поговорках и афоризмах» [Попова, Стернин 2007, 95].

Непосредственная, прямая картина мира – это результат отражения мира органами чувств и мышлением человека, результат познания и изучения мира общественным или индивидуальным сознанием. Она может быть названа также *когнитивной*, так как представляет собой результат когниции (познания) действительности и выступает в виде совокупности упорядоченных знаний - концептосферы. Н.М.Лебедева пишет: «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую «картину мира» [Лебедева 1999, 21]. Таким образом, **когнитивная картина мира** – это те понятия и стереотипы, что в восприятии и понимании мира нашим сознанием задаются культурой. **Опосредованная картина мира** – это результат фиксации концептосферы вторичными, знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют, существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира. Таковы языковая и, видимо, художественная картины мира.

Языковая картина мира – это совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка.

Мышление народа не опосредуется его языком, что можно считать в современной лингвистике установленным фактом, однако оно выражается, фиксируется, номинируется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке определенного периода, позволяет судить о том, каково было мышление народа, какова была его когнитивная картина мира в этот период. Исследователи подчеркивают: языковая картина мира не равна когнитивной, последняя неизмеримо шире, поскольку названо в языке далеко не все содержание концептосферы, далеко не все концепты имеют языковое выражение. Поэтому судить о когнитивной картине мира по языковой

картине мира можно лишь в ограниченном масштабе, все время имея в виду, что в языке названо только то, что имело или имеет сейчас для народа коммуникативную значимость – об этом народ говорит или говорил.

Когнитивная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка [Попова, Стернин 2007, 95]. «Членение мира», к примеру, осуществляется когнитивными классификаторами и принадлежит когнитивной картине мира, а язык вовсе не членит действительность – он отражает, фиксирует когнитивное членение, осуществляемое концептосферой – непосредственной, первичной картиной мира, язык сигнализирует о таком членении. З.Д.Попова и И.А.Стернин [Попова, Стернин 2002, Язык и сознание, 12] выделяют следующие средства создания языкового образа мира:

- номинативными средствами языка – лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, обеспечивающими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарность разных типов);

- функциональными средствами языка – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы;

- образными средствами языка – национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц, фоносемантикой языка;

- дискурсивными средствами /механизмами/ языка – специфическими средствами и стратегиями текстопостроения, аргументации, ведения спора, диалога, построения монологических текстов, особенностями стратегий и тактик коммуникативного поведения народа в стандартных коммуникативных ситуациях,

приемами построения текстов разных жанров (например, афоризмов, анекдотов, рекламы и т. д.);

- стратегиями оценки и интерпретации языковых высказываний, дискурсов текстов разных жанров, критериями оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных.

Таким образом, системное исследование языка, исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной языковой картины мира. Важным элементом выявления языковой картины мира является сопоставление языка с другими языками.

Описание языковой картины мира включает в себя [Попова, Стернин 2002, Язык и сознание, 13]:

- описание членения действительности, отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических и лексико-фразеологических группах и полях);

- описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках);

- выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; выявление эндемичных (безэквивалентных) единиц в том или ином языке.

Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира для описания первичной, когнитивной картины – лингвокогнитивный метод изучения концептосферы народа.

Таким образом, изучение языковой картины мира может оставаться в рамках чистой системной лингвистики, а в случае когнитивной интерпретации результатов может выступать как инструмент изучения первичной картины мира, концептосферы народа. Еще раз подчеркнем: эти два направления в описании языковой картины мира нельзя путать и тем более ставить знак равенства между ними: языковая картина мира лишь частично отражает концептосферу и лишь

фрагментарно позволяет судить о концептосфере, хотя более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет.

Таким образом, когнитивная картина мира и языковая картина мира связаны между собой как первичное и вторичное, как ментальное явление и средство доступа исследователя к нему [Попова, Стернин 2002, Язык и сознание, 14].

§4. Фразеологические единицы с оценкой интеллектуальных качеств человека как семантическая доминанта русской языковой картины мира

Обозначенные особенности языковой картины мира говорят также о том, что фразеологические единицы, содержащие представление об интеллектуальных качествах человека, представляют существенный интерес с позиции составления русской языковой картины мира, в том числе и представление об **уме** как о качестве человека, с позиций носителя русского языка. В этом отношении интересной является работа Л.Б.Никитиной «Антропоцентристская семантика: образ *homo sapiens* по данным русского языка» [Никитина 2011]. В процессе исследования Л.Б.Никитина выделяет следующие части человека, связанные с его интеллектуальной ипостасью: 1) части-способности человека, непосредственно связанные с его интеллектуальной природой – способностью мыслить; 2) части человека, которые мыслятся как его анатомические составляющие, отвечающие за интеллект; 3) части человека, опосредованно связанные с интеллектом.

Части-способности человека, непосредственно связанные с его интеллектуальной природой, обозначаются в русском языке лексемами *мышление, мысль, ум, интеллект, разум, рассудок, сознание*. Все они трактуются через родовое понятие «способность». Согласно толковому словарю русского языка *мышление (мысль)* есть способность человека рассуждать; *ум* – способность человека мыслить; *интеллект* – мыслительная *способность*; *разум* –

способность логически и творчески мыслить; *рассудок* – *способность* к рассуждению, размышлению; *сознание* – *способность* человека мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности (см.: [Ожегов, Шведова 1996]).

Например, исследователи русского языка отмечают, что наивное сознание стремится разграничить понятия «ум» и «разум». Так, Ф.И.Буслаев писал: «Отличие ума от разума особенно заметно в прилагательных и глаголах: умный может быть и зверь, уметь может и зверь; но быть разумным и разуметь не может... Отсюда видно превосходство разума (Vernunft) над умом (Verstand)». В рассуждениях В.И. Даля ум определяется как «рассудок», «прикладная, обиходная часть», а разум — как «высшая отвлеченная степень». В.И. Даль замечает, что «низшая степень ума должна быть признана за некоторыми животными, но разума нет ни в одном; принимая ум в сем ограниченном, тесном смысле можно сказать: *умная лошадь, собака*, но *разумная* сказать нельзя». Ср. русские пословицы, в которых отражена дифференциация ума и разума, а также доминанта последнего: *С ума спятил, да на разум забрел; Мужа чтут за разум, а жену – по уму; Ум разуму не указ; Ум разумом крепок; Ум за разум заходит; Ум без разума беда; Ум разуму подспорье; Ум за разумом не ходит; Ум доводит до безумья, разум до раздумья.*

Современные носители русского языка практически не разграничивают понятия «ум» и «разум». В то же время лексема *ум* для обозначения способности человека думать и понимать используется чаще других, а лексемы *разум, интеллект, рассудок* и др. по большей части ассоциируются с высоким стилем, с научной речью [Никитина 2011].

Доказательством того, что ум, разум, интеллект, сознание и т.д. мыслятся как части *homo sapiens* (необходимые, обязательные, постоянные), является тот факт, что все без исключения лексемы, обозначающие интеллектуальные способности человека, носители языка ассоциируют с человеком и, наоборот,

лексема *человек* ассоциируется с названными способностями. Части человека, которые мыслятся как его анатомические составляющие, отвечающие за интеллект, обозначаются словами *голова, ум, мозг (мозги), извилины*. Эти части неоднозначны с точки зрения их реальности/нереальности: *голова, мозг (мозги)* – реально существующие части человека; *извилины* – реально существующая форма реальной части – *мозга (мозгов)*; *ум* – реально не существующая, воображаемая анатомическая часть человека [Никитина 2011].

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «голова – часть тела человека, состоящая из черепной коробки и лица». Ср. с определением из толкового словаря В.И. Даля: «Голова – глава, часть тела, состоящая из черепа с мозгом, из мышц, покровов с волосами, башка, мозговина. Голова состоит из головы собственно и лица; голова делится на лоб или чело, темя, маковку, затылок и виски или косицы». Это прямое значение слова *голова*; есть переносное: ум, рассудок. Именно переносное значение слова лежит в основе языкового образа-символа: голова мыслится говорящими как квазиорган, именуемый по-другому умом. Кроме того, есть речевые свидетельства того, что голова-часть тела и голова-квазиорган (ум) различаются, но имеют «точку соприкосновения»: *в голове ум; голова без ума* – т.е. голова мыслится как физическоеместилище ума (реальная часть тела человека является местом, где располагается нереальный, воображаемый орган).

Ум, как уже отмечалось, согласно словарному толкованию, есть способность человека мыслить. Ср. у В.И. Даля: «Ум – общее название познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить» [Даль, 672]. Однако, как неоднократно отмечалось лингвистами, ум в русской языковой картине мира (ЯКМ) – это и воображаемый орган, находящийся в голове и отвечающий за интеллектуальную деятельность человека.

Прямое значение слова *мозг* таково: «центральный отдел нервной системы человека или животных — нервная ткань, заполняющая череп и канал

позвоночника; орган высшей нервной деятельности» [ТСРЯ, с. 3620]. В переносном значении мозг – это тот же ум (воображаемый орган или умственные способности). В обиходной речи лексема чаще употребляется во множественном числе, что придает слову разговорный оттенок и, видимо, свидетельствует о стремлении говорящих количественно измерять этот орган или интеллектуальные способности человека, за которые он отвечает.

Заметим, что в русской ЯКМ отражена тенденция именовать целостного homo sapiens посредством слов, обозначающих его «интеллектуальные части», что говорит об особой важности последних для образа внутреннего человека. Наименования человека *голова*, *ум*, *мозг* часто занимают в высказываниях позицию актанта: *Все головы нашего отдела были задействованы в этой работе; Лучшие умы России объединились в борьбе за правое дело.*

Добавим, что в русской ЯКМ отражены пространственные представления о частях человека, отвечающих за интеллект; при этом языковая репрезентация пространственных связей «интеллектуальных частей» человека основана как на научных знаниях, так и на фантазии: реальная анатомия перемежается с наивной: *В голове мозги; В голове извилины; Ума в голове нет.*

Под «картиной мира» следует в самом общем виде понимать объективную действительность, постоянно меняющуюся и развивающуюся. Человек воспринимает картину мира не как хаотическое нагромождение фактов и предметов, а как **«упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании»** [Попова, Стернин 2002, 5]. Восприятие мира в значительной мере обусловлено, с одной стороны, принадлежностью индивида к различным общностям и, с другой стороны, его личными характеристиками: образованием, профессией, возрастом, полом. По-разному видят процессы природы биолог и крестьянин, поэт и метеоролог. Например, там, где для поэта «мороз и солнце,

день чудесный», для метеоролога – «обширный антициклон с низкой температурой и отсутствием облачности».

Картина мира содержит и этнический компонент, который представлен **языковой картиной мира** и совокупностью традиций, обычаев, верований, суеверий, то есть тем, что предопределяет **этнический стереотип поведения** представителей того или иного этноса ([об этническом стереотипе поведения см.: Гумилев 2000, 81; Степанов 1997, 474 и далее]). Языковая картина мира – это комплекс языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира, «это совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин 2002,6].

Способность языковых средств, прежде всего номинативных, выражать информацию о мире с этнических позиций связывают, в первую очередь, с тем, что языковые системы имманентно по-разному представляют окружающую действительность: «Известно, что каждый естественный язык по-своему членит мир, то есть имеет свой специфичный способ его концептуализации. Иными словами, в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Этому никак не противоречит тот факт, что все национально-специфические модели мира имеют и общие, универсальные черты)» [Урысон 1998, 3].

Таким образом, фразеология представляет собой сложный комплекс взаимоотношений и играет существенную роль в формировании языковой картины мира, одним из существенных фрагментов которой является представление об интеллектуальных качествах человека.

ГЛАВА 2

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ИХ МЕСТО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НА ФОНЕ АРАБСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

§1. Состав и структура фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные свойства человека

Исследователи фразеологических единиц выделяют различные типы фразеологических сочетаний с точки зрения их состава и структуры. В данном параграфе мы представим состав и структуры фразеологических единиц (далее ФЕ), характеризующих интеллектуальные качества человека.

В соответствии с работами, посвященными типологии фразеологических оборотов, можно выделить:

- классификации фразеологизмов по особенностям их семантики и семантики их компонентов;
- классификации по лексико-грамматическим признакам (по соотношению фразеологизмов с частями речи и членами предложения);
- классификации фразеологизмов по их источникам;
- классификации по этимологическому составу;
- классификации по стилистической принадлежности.

Так, общепринятым считается выделение основных типов ФЕ, предложенное В.В. Виноградовым, которое основано на определении различной степени идиоматичности (немотивированности) компонентов в составе фразеологизма. Выделяются фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания.

Эту классификацию фразеологизмов часто дополняют, выделяя вслед за Н.М. Шанским так называемые фразеологические выражения, которые также

устойчивы, однако состоят из слов со свободными значениями, т. е. отличаются семантической членимостью. В эту группу фразеологизмов относят крылатые выражения, пословицы, поговорки. К тому же многие фразеологические выражения имеют принципиально важную синтаксическую особенность: представляют собой не словосочетания, а целые предложения.

С этой позиции среди ФЕ, характеризующих интеллектуальные свойства человека, также можно выделить эти группы:

1. Фразеологические сращения: *семи пядей во лбу, олух царя небесного, отпетый дурак, дубина стоеросовая* и т.д.
2. Фразеологические единства: *светлая голова, солома в голове, пень березовый* и пр.
3. Фразеологические сочетания: *взяться за ум, схватывать на лету* и т.п.
4. Наибольшую часть составляют фразеологические выражения в количестве 500 пословиц и поговорок.

При анализе грамматического состава выбранных ФЕ мы можем выделить следующие группы:

1. сочетание прилагательного с существительным: *светлая головушка; дубина стоеросовая; пень берёзовый; медный лоб; пустая голова (башка); дурья голова (башка); голова еловая; балда осиновая; дубовая башка;*
2. сочетание существительного в именительном падеже с существительным в родительном падеже: *олух царя небесного, ума палата;*
3. сочетание имени существительного с существительными в косвенных падежах с предлогом; *с царём в голове; без царя в голове; глуп как пробка; как баран на новые ворота); семи пядей во лбу;*

4. сочетание глагола с существительным (с предлогом и без предлога): *винтиков не хватает; иметь голову на плечах; набраться ума-разума; взяться за ум; схватывать на лету; ловить на лету.*

Основная же часть фразеологизмов является предложениями.

При рассмотрении синтаксической функции в тексте выделенных нами фразеологизмов мы можем вывить следующие группы ФЕ:

1. Именные фразеологизмы: *светлая головушка; дубина стоеросовая; пень берёзовый, медный лоб; пустая голова (башка); дурья голова (башка); голова еловая; балда осиновая; дубовая башка.*

2. Глагольные фразеологизмы: *винтиков не хватает; иметь голову на плечах; набраться ума-разума; взяться за ум; схватывать на лету; ловить на лету.*

3. Адъективные фразеологизмы: *с царём в голове; без царя в голове; семи пядей во лбу; ума палата*

Несмотря на то, что среди ФЕ, характеризующих интеллектуальные свойства человека, мы встречаем разнообразные типы ФЕ, тем не менее, наибольшую часть исследуемого материала составляют пословицы и поговорки, именно поэтому анализ культурной коннотации представленных фразеологизмов будет более интересным.

§ 2. Культурная коннотация фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные свойства человека

Внимание человека к собственной познавательной деятельности находит отражение в лексических и фразеологических единицах, репрезентирующих данный процесс. В различных культурах мира представление об интеллектуальных способностях человека выражено по-разному, что обусловлено исторической судьбой нации, ее менталитетом.

По мнению Т.В. Леонтьевой [Леонтьева 2008, 3], русская языковая картина мира антропоцентрична, «центром картины мира, обладающей общими чертами у представителей одного языкового коллектива, является человек с его чувствами, намерениями, чертами характера, способностями и действиями». По этой причине среди явлений, к осмыслению которых человек регулярно обращается, находятся умственная деятельность и характеристики человека по интеллекту.

Безусловно, существенная часть русских фразеологизмов отражает вековые размышления русского человека на эту тему.

Интеллект – это ценность, наличие интеллекта оценивается позитивно, отсутствие – негативно. Таким образом, последовательная связь лексем, обозначающих интеллектуальные свойства личности, с абсолютной оценкой свидетельствует о значимости противопоставления в ядре описываемого поля. В сознании носителей русского языка интеллектуальные свойства личности отражены, прежде всего, в оппозиции «умный – дурак».

М.Л. Кусова [Кусова 2012] в своем исследовании пишет, что фразеологизмов, обозначающих «дурака», намного больше, следовательно, умный человек определяется через противопоставление качествам глупого человека, «дурака». Дурак, в отличие от умного, обладает *дырявой, садовой головой*, у него *мозги набекрень* или он таковых вообще не имеет; у дурака *голова мякинная, пустая голова; мозг устроен особым образом: одна извилина в мозгу и та прямая*.

В проспекте словаря «Концептосфера русского языка» [КРЯ-2010] приведено 66 фразеологических единиц, обозначающих дурака, и 20 лексических единиц, обозначающих умного человека, что подтверждает мнение исследователей.

Анализ группы фразеологизмов, характеризующих интеллектуальную деятельность человека, позволяет выявить семантическое поле, которое включает 531 фразеологическую единицу современного русского языка, выбранные нами из различных фразеологических и толковых словарей русского языка. В различных сборниках арабских половиц и поговорок нами обнаружено 153 фразеологических

единиц аналогичной тематики. В основу выделения данной группы положена классификация фразеологизмов русского языка А.М. Эмировой [Эмирова 1988].

Все выбраннве фразеологизмы можно условно разделить на 3 большие группы, характеризующие различные составляющие интеллекта человека:

1. Наличие/отсутствие ума
2. Наличие/отсутствие знания
3. Характеристика памяти, внимания.

I. Наличие/отсутствие ума

Анализ самой многочисленной первой группы фразеологизмов, характеризующей **наличие/отсутствие ума**, показывает, что большая часть фразеологических единиц содержит отрицательную коннотацию лексемы «дурак» (глупость, тупость), через которую осознается положительная оценка наличия ума.

Среди фразеологизмов данной группы выделяется существенная часть выражений, содержащих лексему «голова» (башка), являющейся основной для определения состояния интеллекта человека.

Про умного человека говорится: «*голова варит*», «*светлая голова*», «*голова на месте*», «*семи пядей во лбу*». Положительная характеристика интеллекта человека связана с коннотацией наличия светлого, живого ума.

Отобранный нами материал подтверждает, что при характеристике умственных способностей человека преобладает отрицательная оценка. Так, например, фразеологических единиц, характеризующих умного человека, нами обнаружено 45 выражений, например:

Всякая мудрость от бога; начало премудрости страх божий; нет роженного (ума), не дашь и ученого; тупо сковано — не наточишь; глупо рожено — не научишь; разум — душе во спасенье, богу на славу; все в мире творится не нашим умом, а божьим судом; отыми, господи, руки, ноги, да опокинь разум!; голова — всему начало; где ум, там и толк; разумный видит, что за чем (что к чему) идет;

против умного остережешься, а против глупого оплошаешь; мудрый (умный) слышит вполслова (вполголоса); глупый-то свистнет, а умный-то и смыслит; умный поп только губами шевели, а уж мы и догадаемся; умному попу лишь кукиш покажи, а уж он и знает, какой грех; и сила уму уступает.

Фразеологизмов, характеризующих глупого человека, мы обнаружили 146, например:

Велик, да дурак; а иной и маленек, да черт ли в нем?; у дурака что на уме, то и на гуме (т. е. пусто); как рожены, так и заморожены (дураки); через дурака перерос, до умницы не дорос; в умницы попал, а из дураков не вышел; в умницы не попал и из дураков не вышел; посади дурака за стол, он и ноги на стол; дурак, что мутовка: куда ни поверни, а сук наперед; дурак, что мутовка: куда выросла рогуля, туда и торчит; целых два чина: дурак да дурачина; два дурака сошлись в одни ворота; дурак с дураком съедутся, инно лошади одуреют; дурак с дураком сходились, друг на друга дивились; поглядел дурак на дурака, да и плюнул: эка-де невидаль; два дурака, да у каждого по два кулака.

Среди фразеологизмов, характеризующих соотношение ума/глупости и речевого поведения, мы видим аналогичное соотношение: о речи умного человека – 5 выражений:

В умной беседе быть — ума прикупить (а в глупой, и свой растерять); умную (хорошую) речь хорошо и слушать; с умным разговаривать, что меду напиться;

о речи глупого человека – 12:

У дурака дурацкая и речь; малый, что глупый: что видит, то и бредит; не говорит — ум копит; а скажет — нечего слушать; сперва подумай, а там и нам скажи! Нести ахинею; нести галиматью; городить чепуху; говорить невесть что.

Итак, характеристики глупого человека, дурака, как мы уже говорили, многочисленны и разнообразны. Глупый человек определяется как «дурья башка»,

«дубовая башка», «ежовая голова». Про него говорят: «голова два уха», «пень березовый», «у него в голове реденько засеяно» и т.п.

При анализе данной группы фразеологических единиц можно отметить ряд образов, реализующихся в семантическом поле «отсутствие ума». В основу выделения различных образов положена классификация Т.В. Леонтьевой, предложенной ею в работе «Интеллект человека в русской языковой картине мира». Ее разработка основана на наблюдениях над разнообразными лексическими средствами русского языка, однако в большей степени использованы данные разговорной речи и диалектизмов. Мы же, применив данную классификацию к русским фразеологизмам, расширим и дополним представление о некоторых образах (метафорах).

1. Образ (метафора) дерева.

Модель «человек – дерево» – одна из самых архаичных. Отождествление дерева и человека относится к числу фольклорных и мифологических констант [СДЭС, II, 63]. Поэтому неудивительно, что образ дерева часто используется в семантическом поле «интеллектуальные способности человека», например: *чурка с глазами; дубовая башка; голова еловая; тупой как баобаб; балда осиновая.*

Т.В. Леонтьева полагает, что «глупый человек ассоциируется с деревом, поскольку древесина вообще отличается прочностью. Мотив «твердый» восходит к сквозному мотиву «с трудом поддающийся внешнему воздействию» и далее к мотивационной доминанте «неспособный выполнять функцию восприятия (об органе мышления или человеке)» [Леонтьева-2008, 125].

Первоначально лексема *дуб* не имело переносного значения «тупица», как в современном языковом сознании. Поэтому, вероятнее всего, во фразеологизме «дубовая голова» лексема «дуб» приравнивается к значению лексемы «дерево».

Поскольку значение «дерево» было закреплено за лексемой *дуб*, то переносные значения отрицательно-интеллектуальной сферы развились именно у нее или ее производных: «дубовая голова» / «башка» «о недалеком, тупом

человеке» [МАС, I, 451]. Но так как впоследствии основным у этого существительного стало значение «дуб, дерево из семейства буковых», то и возникновение наименований глупого человека, апеллирующих к лексеме «дуб», в современном наивно-языковом сознании связывается с особой твердостью древесины этой породы деревьев.

По всей видимости, другие фразеологизмы, такие как «голова еловая», «балда осиновая» образованы по аналогии и специализированного значения не имеют.

Возникновение фразеологизма «глуп, как баобаб» «тупица» [СМА, 33] обусловлено экзотичностью этого дерева (в прямом значении – тропическое дерево с очень толстым стволом [Ожегов, 36]) и непривычное для слуха звучание слова. Образ дерева здесь уже не говорит о неспособности к восприятию; взял верх мотив «исключительный, уникальный».

В арабской фразеологии нами обнаружена немногочисленная группа фразеологизмов, использующих образ дерева:

Глуп как пробка; غبي مثل الفلين

Дубовая голова; مثل شجرة البلوط

Пустой орех; جوزة فارغة

Его ум, как орехи в котомке;; عقلة جوزتين بخرج

В русской фразеологии образ дерева дополняется также образами дубины, пня. Арабские выражения по своему строю аналогичны: мы видим сравнение человека с деревом, используются прилагательные, также формирующие образ дерева, однако подобных фразеологизмов существенно меньше, чем в русском языке.

Если первые два выражения нельзя идентифицировать как сугубо арабские, то выражение «пустой орех» является нехарактерным для русского языка и несет в себе национальную специфику, отражает реалии южной природы, где орех является типичным плодом. Значение данной метафоры прозрачно: в нем

заключено осознание ценности ума, как ценности полного ореха и бесполезность глупости, как пустого ореха.

Аналогично можно сказать и о последнем выражении, которое используется для характеристики людей, не обладающих способностью принимать решения, легко поддающихся влиянию.

2. Образ (метафора) дубины (палки с утолщением на конце).

Дубина стоеросовая.

С большой долей вероятности можно говорить о том, что перенос здесь осуществляется опосредованно через значение «голова» на основе сходства такого рода деревянных предметов (по форме) с головой человека. Интересно также отметить используемое во фразеологизмах с отрицательной характеристикой глупости человека прилагательное «стоеросовый». В словаре Даля мы находим следующий пример: «Из какого дерева сделано? – А кто его знает. Должно быть стоеросовое». Таким образом, значение слова «*стоеросовый*» – «растущий стоя, прямо».

По всей видимости, данное прилагательное характеризует глупого человека еще и как «неподвижного, неспособного к быстрым решениям».

В арабской фразеологии нам не удалось обнаружить какого-либо сходного аналога. В связи с этим при объяснении данного фразеологизма требуется особое пояснение этимологии слов, составляющих данную ФЕ.

3. Образ (метафора) пня

Пень березовый

Данная модель уже привлекала внимание лингвистов: «Для обозначения глупого, бестолкового человека употребляются названия частей дерева, и прежде всего наименование нижней части ствола дерева – существительное *пень*» [Бахвалова 1993, 55].

Выбор определения *березовый (пень)* обусловлен фоновыми знаниями о трухлявости таких пней, чем притягивается мотив «негодный (о человеке)» (ср. *пень дырявый* «очень глупый человек, тупица» [СРФ, 436]).

В арабской фразеологии нам не удалось обнаружить какого-либо сходного аналога. В связи с этим при объяснении данного фразеологизма требуется особое пояснение этимологии слов, составляющих данную ФЕ.

В целом все ФЕ с использованием частей дерева объясняются спецификой природы, окружающей носителей русского языка, обилие лесов во многом определяет большое количество фразеологизмов с этим компонентом.

4. **Образы (метафоры) животных**

Глупый как баран; глуп как осел; глуп как индейский петух

Негативные характеристики человека по интеллекту традиционно формируются на основе зоонимов. Носитель языка особенно часто обращается к образам домашних животных, которые отличаются упрямством или чрезмерной подвижностью. В основе переноса лежат наблюдения за особенностями поведения этих животных. Считается, например, что баран «якобы не узнает своего двора, если поставлены новые ворота, из-за чего он долго смотрит на них, не решаясь войти» [СРФ, 42]: «*смотреть как баран на новые ворота / на новое гумно*» «недоуменно, тупо, не понимая, ничего не соображая; растерянно глуповато (установился, смотрит)» [ФСРЯ, 44].

Как и в русском языке, в арабском негативные характеристики человека по интеллекту традиционно формируются на основе зоонимов. Носитель арабского языка особенно часто обращается к образам домашних животных, которые отличаются упрямством или чрезмерной подвижностью. В основе переноса лежат наблюдения за особенностями поведения этих животных. Образы животных, встречающиеся в арабских половицах многообразны.

Осел остается ослом, даже если везет казну султана; الحمار يبقى حمار حتى لو حملته خزينة السلطان

الحمار في يوم الفرح اما يحمل;
Осел на свадьбе либо дрова возит, либо воду носит;
الحطب او يجلب الماء

طول النخلة وعقل السخلة;
Ростом с пальму, а умом с ягненка;

جسم بغل وعقل سخل;
Телом с мула, а умом с ягненка;

الحمار يعرف طريقه للبيت;
Осел знает дорогу домой;

الكلب كلب لو حنطته من ذهب;
Собака остается собакой, хоть ее озолоти;

مشى على;
Подразжала ворона походке куропатки и забыла свою собственную;
خطى الغراب ونسى بلده

البعير لا يرى حديثه;
Верблюду не видит своего горба;

سمحوا للدب بالرقص فسحق ثمانية;
Пустился медведь в пляс и раздавил восемь душ;
اشخاص

عند الحمار مرضه لا يهدا له بال;
У осла своя болезнь: не успокоится, пока не заревёт;
حتى بزئر

مراغة الذئب;
Хитроумнее волка;

اغبى من الثور او الرقة;
Гупее быка или черепахи;

اغبى من الفراشة;
Невежественнее мотылька;

اغبى من العقرب;
Невежественнее скорпиона;

اغبى من راعي الغنم;
Невежественнее пастуха баранов;

اغبى من راعي ثمانينة نعجة;
Глупее пастуха восьмидесяти баранов;

غباء الضب (النعامة,النسر);
Глупее гиены (страуса, стервятника);

Отметим, что, как и в русских пословицах, активно используются образы осла (мула), барана.

Многообразие различных образов животных, используемых для характеристики глупости, заставляет задуматься о различных нюансах проявления человеческой глупости. Так, образ осла имеет коннотацию – «глупец на постоянной тяжелой работе», образы скорпиона, гиены, страуса, стервятника характеризуют глупца, умеющего делать только одно дело и ни на что другое не способного.

Часть пословиц противопоставляет рост большого животного (дерева) и ум маленького: *ростом с пальму, а умом с ягненка; телом с мула, а умом с ягненка; телом с мула, а ум птичий.*

В русском языке мы встречаем эквиваленты, однако сравнение большого тела и маленького ума происходит без участия образов животных. Сравним: *велика Федора, да дура; ростом с Ивана, а умом с болвана* и т.п.

В отличие от русских пословиц, где образы животных характеризуют ум человека только с отрицательной стороны, в арабских паремиях с образами животных мы имеем ряд выражений, где есть и положительная характеристика ума, например: *хитроумнее волка.*

5. Замещение содержимого головы чем-либо

Голова соломой набита; мякинная башка; набитый дурак.

Мы уже говорили, что во фразеологизмах, характеризующих человеческий ум, часто используется лексема «голова/башка». Приведенные выше фразеологизмы уже позволяют определить значение лексемы «голова» в языковой картине мира, где голова является главной составляющей мыслительного процесса. Голова, как вместилище мозга, отвечает за мыслительную деятельность человека. Неслучайно некоторые фразеологические единицы характеризуют умного и глупого человека с точки зрения наличия или отсутствия у него ума: *человек с головой* «умный» [Ожегов, 135] и *совсем без головы кто-н.* «совершенно глуп» [Там же].

При интерпретации фразеологического материала, содержащего компонент *голова*, следует исходить не из научной картины мира, согласно которой голова есть вместилище мозга, а скорее, из наивно-языковой картины мира, где голова – вместилище ума. Если мозг – это орган, и никакой двусмысленности не возникало бы, то ум – это понятие, в котором в наивно-языковом сознании совпали ум-орган, ум-инструмент, ум-механизм, ум-багаж, ум-пространство, ум-царь, и они часто бывают неразличимы. Более того, в наивно-

языковом сознании обнаруживается представление о том, что думаем мы *головой*, а стало быть, сама голова, вмещающая в себя ум в любом его «концептуальном облике», выступает как орган мышления. Если этот орган неполноценен, то он не в состоянии исправно функционировать.

Из этого следует, что для обсуждаемой метафоры можно реконструировать частный мотив «имеющий голову, набитую соломой, мхом, сорняками», реализующий сквозной мотив «имеющий неполноценный, ущербный орган мышления» и – далее – мотивационную доминанту «неспособный к интеллектуальной деятельности».

Согласно наиболее «привычной» для носителя русского языка метафоре, голова глупого человека заполнена отходами, остающимися после обмолота зерновых культур и льна: разг. «*в голове солома*» – о глупом человеке, «*мякiнная голова*» глупый, дурной.

Интересен фразеологизм «*у него в голове реденько засеяно*», примыкающий к данной группе. Здесь также упоминается мотив замещения содержимого ума чем-либо. В данном случае возникает ассоциативная связь между умом человека и засеянным полем. Ум глупого человека сравнивается с некачественно обработанной нивой.

Кроме того, фразеологизмы семантической группы наличие/отсутствие ума также дают возможность определить ряд важных представлений об умном и глупом человеке.

Фразеологизмы могут указывать на причину появления дурака: «*из-за угла мешком прибит*», «*растерять разум*»; «*сойти с ума*», – а могут представлять данное качество как изначально присущее человеку: «*по жизни дурак*», «*олух царя небесного*».

В арабской фразеологии нами не встречено подобных фразеологизмов с использованием данного образа.

6. Образ сосуда.

Уподобление человеческой головы сосуду традиционно для разных культур и для разных подсистем общенародного языка: литер. *котелок* «голова» [Ожегов, 301], жарг. *жбандель* «голова» [БСЖ, 180] (от *жбан* с экспрессивным аффиксным расширителем), *ведро* «голова (обычно о пустом, глупом человеке)» [Там же, 91], *чан* «голова» [Там же, 664].

Перечисленные обозначения головы либо называют именно глупую голову, поскольку важен мотив «пустой», либо являются структурным элементом фразеологизмов:

Голова, что чан, а ума ни на капустный кочан; голова с пивной котел, а ума (мозгу) ни ложки;

Среди емкостей особо выделяются плетеные корзины, диалектные обозначения которых развивают переносное значение «глупый человек»:

Голова с лукошко, а мозгу ни крошки; мозговина (голова) с короб, а ума с орех;

В арабской фразеологии подобных фразеологических единиц нами не обнаружено.

7. Образ дурака

Не следует обходить вниманием и многочисленные пословицы с лексемой «дурак». Дурак – это не только образ, который часто используется в русских фразеологизмах, но также и любимый герой русских сказок.

В словаре В.И. Даля «дурак» определен следующим образом: «глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный. Малоумный, безумный, юродивый» [Даль]. У Ожегова дурак – это «Глупый человек, глупец» [Ожегов].

Однако русские пословицы дают несколько противоречивый образ:

1. Первая группа паремий подтверждает словарные значения слова «дурак», озвученные выше:

Осел на осле, дурак на дураке; такой дурак, что только уши пришить; у дурака что на уме, то и на гуме (т. е. пусто); на час ума не станет, да и навек в дураках (а навек дураком прослывешь); дай, бог, недруга, да умного; а друг, да дурак, — наплачешься с ним;

В этих пословицах утверждается, что человеческая глупость проявляется во всех сферах жизни человека:

Дома не так, а в людях дурак; спереди дурак, да и сзади так;

Глупость очевидна не только окружающим людям, но и самым ближайшим родственникам, что говорит ее о несомненном качестве:

Что он дурак, так это и мать его родная скажет;

Также мы можем выделить небольшую группу фразеологизмов, указывающих, как надо поступать с глупым человеком, например:

Дурь из тебя повыколотят; бей дурака, не жалей кулака; дураков и в церкви бьют; лося бьют в осень, а дураков круглый год; дурака и лежа бьют;

Данные выражения имеют, по всей видимости, коннотацию «что **ни** делай с глупым человеком, а ума у него не прибавится».

2. Дурак, по данным русского языка, бывает и «искусственным» (это «прикидывающийся» дурак, дурак-шут). Так, русские фразеологизмы *валять* (*ломать, корчить*) *дурака; свалять дурака (ваньку)* используются по отношению к людям, которым полностью не отказывают в уме, к тем, кто дурачится, делает глупости или праздно проводит время, бездельничает, как Иван-дурак в русских народных сказках: *Довольно дурака валять, вставайте* (А.С. Макаренко); *Вы, — кричал гражданин, сопровождаемый свистящими мальчишками, — бросьте, бросьте дурака валять!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); *А що, и ты там будешь дурака валять?* (А. И. Куприн. Как я был актером (1903).

Способность прикидываться дураком признается за человеком неглупым, поскольку врожденная глупость, сумасшествие мыслится как препятствие для умения играть: *Нет, он не дурак: дураку ума не хватит так прикинуться; Он*

только дурака валяет, а сам себе на уме; Чего ты строишь из себя дурака? Все равно никто не поверит – все это мы слышим и в повседневной разговорной речи.

3. Обособленно стоит группа фразеологизмов, рисуящая совершенно иной образ дурака, который вступает в противоречие с предыдущими обозначенными коннотациями:

Дурак божьих дней не разбирает; Над дураками нет старосты; С дурака взятки гладки.

Многие исследователи, занимающиеся раскрытием феномена русского дурака [Никитина-2005], подчеркивают, что дурак как будто живет в другом измерении, к нему не применимы общечеловеческие шаблоны:

Дурак времени не знает; Дураку закон не писан; На дураке и бог не ищет;

Таким образом, дурак не тот, у кого недостает ума, а тот, кто воплощает собой отклонение от привычных норм поведения. Дуракам, как известно, и сам Бог помогает:

Дураку везде счастье; Умный сам по себе, а дураку бог на помощь; На дурака у бога милости много; Дурак — божий человек; Много ума — много греха, а на дурне не взыщут;

Может быть, поэтому дурак иногда оказывается умнее умного:

Дурак завяжет — и умный не развяжет; Один дурак, а умных пятерых ссорит; Дурак в воду камень закинет, десятеро умных не вытащат; И глупый умного одурачит; Не будь дураков на свете, не стало б и разума.

Еще в Древней Руси сложилась весьма четкая оценочная дихотомия умный/глупый: умный – это хорошо; глупый – это плохо. Однако стройность картины нарушает существовавшее в древнерусской культуре противоречие. А.Я. Гуревич пишет об этом так: «Прославляют ученость и презрительно взирают на невежественных «идиотов»; и в то же время вернейшим путем, который ведет ко спасению души, провозглашается неразумие, нищета духа, а то и вовсе безумие» [Гуревич, 1990, 23].

Действительно, в древнерусском сознании обнаруживается такая непоследовательность: преклонение перед разумом, прославление ума сочетается со снисходительным отношением к неразумию, с прощением глупости; разумный человек и человек неразумный могут в равной степени рассчитывать на спасение души, на Божью милость. Это противоречие отражено в образе дурака.

Многочисленна группа арабских половиц и поговорок, характеризующих глупого человека, дурака. Однако это совершенно иной образ, чем в русских пословицах и поговорках. Здесь мы не встретим ряда коннотаций, которые есть в русских фразеологизмах этой смысловой группы.

Образ глупца в арабской фразеологии более последователен, выстроен четко и не содержит таких противоречий, которые мы видим в русском материале.

Среди арабских фразеологизмов этой группы отчетливо выделяется характеристика глупца как человека, который «перестарался», хотел сделать доброе дело, а принес беду. Такая коннотация иногда выражена прямо: *Берегись дружбы глупца – он захочет помочь тебе и лишь навредит тебе;*

а иногда иносказательно:

Чтобы убить удода, свалили минарет; Построил дворец, но разрушил весь город;

Ряд фразеологизмов характеризует глупца через описание его несуразных, непоследовательных действий:

Хвост змее отрезал, а голову оставил; Сам перерезал канат, и сам кричит: «Тону!»;

Глупец часто не может выявить отличия при сравнении вещей очевидных:

Не может отличить врага от друга; Как (невежда), который путает шаабан с рамаданом;

Последняя пословица характеризуется ярко выраженной культурной коннотацией, когда незнание таких реалий мусульманского мира, как шаабан и рамадан, приводит к непониманию половицы. Каждый мусульманин знает, что

месяц шаабан предшествует месяцу рамадану, и никогда их не перепутает. Не знать этого – значит проявить глупость, невежество.

Интересны фразеологизмы, в которых глупец характеризуется как человек с пустой головой:

Как праздничный орех: в серебре, но пустой; Его ум как орехи в котомке; Если бурдюк не надувается, значит, в нём дырка.

В арабских фразеологизмах мы встречаем ряд выражений, содержащих прямые определения глупости невежества с резко отрицательной оценкой:

Невежда слеп; الجاهل اعمى

Невежда – враг самому себе; الجاهل عدو نفسه

Глупец – враг самому себе и соседям; الغبي عدو نفسه و عدو الجيران

Невежество – смертельный (убийственный) недуг; الجهل داء قاتل

От болезни невежества нет лекарства; داء الجهل ليس له دواء

Резко отрицательная коннотация осознается благодаря тому, что данные ФЕ используют лишь прямое значение слов, в отличие от других пословиц, использующих метафоры, сравнения и другие изобразительные средства языка.

8. Образ мудреца

Если в русской фразеологии образ умного человека создается преимущественно за счет отрицательной коннотации лексемы «дурак» (глупость, тупость), через которую осознается положительная оценка наличия ума, то в арабском языке мы встречаем ряд фразеологизмов, создающих образ умного человека, мудреца:

Утро в светильнике не нуждается; Умён тот, кто много познал; У великого и ум велик; Ум человека не записная книжка; На умную голову никто не

жалуется; Мудрость – находка верующего; Мудрее, чем Лукман¹; Хитроумнее волка; Умный тот, кто видит место, куда попадет его стрела;

Арабские паремии нередко указывают, как можно узнать умного человека:

Умный человек делает то, о чем имеет представление; الشخص الذكي يعمل بماذا يعزم

На умного человека указывает его выбор; الاختيار يعكس نكاء الشخص

В арабских фразеологизмах обнаруживается отчетливая связь человеческого ума и учебы, процесса получения знания.

II. Наличие или отсутствие внимания и памяти.

Пословицы русского народа мало затрагивают эту тему, однако среди фразеологических оборотов мы находим достаточно большое количество выражений, характеризующих наличие или отсутствие памяти и внимания.

Положительную коннотацию имеют выражения, где характеризуется способность к быстрому пониманию:

ловить на лету; схватывать на лету.

Напротив, отрицательную оценку имеют выражения, где характеризуется длительный процесс запоминания:

Вбить в голову.

Как видим, в данных фразеологизмах указывается на скорость восприятия, что оценивается безусловно положительно.

Отсутствие внимания отражено в следующих фразеологизмах:

Он трех не перечтет. На руке пальцев не сочтет; Хлопать глазами; Хлопать ушами; Голова дырявая; Хоть кол на голове теши; Слушать вполуха; Девичья память.

¹ (араб. لقمان) — исламский праведник, древний мудрец. Именем Лукмана названа 31 сура [Корана](#), состоящая из 34 аятов и ниспосланная в Мекке после суры «Саффат». Согласно Корану, Лукман был мудрецом, постигшим бытие единого Бога [*«Исламский энциклопедический словарь»*, 2007]

Как мы уже говорили, в арабских фразеологизмах прослеживается отчетливая связь приобретения мудрости через учебу, через знания.

Учение в арабских поговорках – это главный источник ума, мудрости:

Учись с рождения до могилы; اطلب العلم من المهد الى اللحد

У ученья и огня нет ограничений; الردس والنار ما الهم معيا

Учи меня, пока я расту. – Не так, – ответили ему. – Учи меня, пока я не поседею; علمني لما اكبر قل لا علمني لما اشيب

Арабские пословицы подчеркивают, что учиться можно в любом возрасте, но ум молодого человека способен лучше впитать знания. Молодой ум, как чистый лист, прочно фиксирует информацию в своей голове:

Ученье смолоду, как резьба по камню; التعلم في الصغر كالنقش على الحجر

В арабских пословицах также ценится общение с мудрецами:

«Советуйся с умным и поумнеешь»;

Также говорится, что получение знаний есть тяжелый труд, если потребуется, то за ними можно отправиться и в дальние страны:

Учись хоть в Китае; اطلب العلم ولو في الصين

Неученье – смерть живых; الجهل – موت الاحياء

«Учи меня пока я расту». – «Не так, - ответили ему. – Учи меня, пока я не поседею»; علمني لما اكبر قال لا علمني لما اشيب

Арабские ФЕ противопоставляют не только умного и глупца, но также человека знающего и невежду:

Знающий человек проницателен, даже если глаза его слепы, а невежда слеп, даже если глаза его видят; يعرف الشخص الذكي حتى ولو كانت عيونه نائمة ويعرف الشخص الغبي حتى ولو كانت عيونه منفتحة

Лучше знать, чем не знать ; العلم بالشيئ ولا الجهل به

III. Наличие и отсутствие знания

В данной группе мы видим ряд фразеологизмов, характеризующих большой объем знаний человека, его опытность, умение хорошо разбираться в каком-либо вопросе:

Дурак времени не знает. Дураку что ни время, то и пора; Дурак божьих дней не знает (не разбирает); Грызть гранит науки; Знать как свои пять пальцев; Знать вдоль и поперек; Знать до последней точки;

Малый объем знаний или их отсутствие отражают фразеологизмы:

Знать из рук вон плохо; Ни аза в глаза (не смыслить); Ни бум-бум; Ни бе, ни ме, ни кукареку; Ни бельмеса; Ни в зуб ногой;

Все данные фразеологизмы имеют коннотацию «не знать самых простых вещей». Такое значение появляется благодаря использованию следующих обозначений: *аз* – первая буква в алфавите; *бум-бум* – простейшее действие, имитация стука; *бе, ме, кукареку* – звукоподражательные слова, обозначающие всем известные звуки, издаваемые животными; *бельмес* – происходит от татарского и турецкого глагола *бельмек* – знать.

Среди арабских фразеологизмов данной группы преобладают положительные характеристики ума человека:

Голова – блокнот; راسه مفكرة

Здравый ум; عقل سليم

Тонкий ум; عقل ناصح

Большой ум; عقل كبير

Природный ум; عقل طبيعي

Выдающийся ум; حله الده

Ясная голова; عقل راجح/ منير

И лишь единичные случаи отрицательной характеристики ума:

Ветер в голове; ريح في راسه

Во фразеологизмах из данной группы носители арабского языка активно используют сравнение невежественного, незнающего человека с животными. Эти образы аналогичны тем, которые нам встречались в паремиях, характеризующих отсутствие ума у человека:

Невежественнее мотылька; Невежественнее скорпиона; Невежественнее пастуха баранов;

Исследованные нами русские фразеологизмы и сделанные наблюдения позволяют обозначить отправные точки для сравнения с арабскими фразеологизмами, характеризующими интеллектуальные способности человека.

Для образа человека в русской языковой картине мира характерна стереотипизация, то есть формирование базового, устойчивого культурно-национального представления о человеке в его интеллектуальной ипостаси. В формировании языкового образа умного человека и глупого существенную роль играют устойчивые ассоциации, возникающие у носителей русского языка.

Одной из языковых единиц, используемых для обозначения и оценки ума человека, является слово *дурак*, ставшее своеобразным национально-культурным кодом.

Анализ арабских пословиц и поговорок показал, что возможно разделить фразеологизмы на аналогичные смысловые группы, которые были использованы при анализе русских поговорок, характеризующих интеллектуальные способности человека.

Такое разделение позволило нам выявить ряд сходных моментов и ряд особенностей. Так мы определили некоторые сходные образы (метафоры), которые встречаются и в русских и в арабских фразеологизмах, такие как образы дерева, животных, дурака (глупца). Несмотря на внешнее сходство этих образов выявляется лексическое несоответствие в образах животных, а также коннотативное несоответствие при формировании образа дурака.

Также в арабских пословицах появляется новый, нетипичный для русской языковой картины мира, образ мудреца.

Шире и объемнее трактуется арабская пословица смысловое поле «молчание мудреца», отличается также и арабское толкование соотношения ума и богатства.

Ближе по значению и смысловому наполнению оказываются группы пословиц, характеризующих соотношение ума и красоты, ума и возраста (роста).

В группах наличие/отсутствие знания и характеристика памяти внимания больше встречается выражений с положительной оценкой интеллектуальных способностей человека, чем в аналогичных группах русских пословиц.

Ум в арабском языке занимает важнейшее место при характеристике человека и его взаимоотношений с миром: ум – это красота человека, сила, отличие человека от животного. И его билет в свободную и счастливую жизнь, а также его оружие в борьбе и взаимодействии с природой.

Ум красит человека. Делая что-либо с умом, можно добиться высокого результата. В дискуссии умный человек расширяет свой интеллект, а глупый ничего не поймет (поговорка). Ум «растет» вместе с человеком. Ум невозможно подменить хитростью и изворотливостью. Русский народ говорит: «Хитрость – это ум дураков», а арабский народ считает: «Хитрый человек живет до обеда, а умный весь день», «Каждая хитрость покрыта глупостью».

Умственное развитие лишь в небольшой степени зависит от возраста, взаимосвязь между умом, мудростью, знаниями и опытом неразрывна и позволяет ускоренно развивать интеллект. Умный никогда не повторит старых ошибок. Не внешность красит человека, а его внутренний интеллект:

Красота без ума – пустота: الجمال بدون عقل – فراغ اجوف

Красота проложит путь, а ум – главное оружие человека; الجمال يمهد الطريق
والعقل سلاح الشخص

Голова без ума как киндил (керосиновая лампа) без масла; الراس بدون عقل مثل
القنديل بدون زيت

Видимый макушке, но внутри он излучает солнце (Солнце излучает свет, а луна его отражает, также и душа человека излучает, а его внешность отражает внутренний мир; основу его сущности).

И русская пословица, и арабская (восточная) мудрость утверждает, что красота человека в уме, а не во внешности, свою внешнюю красоту с возрастом человек все равно утратит. В отличие от этого красота души, ума, моральных качеств человека не утратит своих свойств, и будет передаваться по наследству. Ум не купить ни за какие деньги, так как купленное звание и деньги утекут как вода:

Лучше немного ума, чем высокое звание; عقل صغير افضل من معرفة كبيرة

Ум не купить за деньги; العقل لا يشتري بالنقود

Ум не вышьешь как меха; العقل هو فروة الراس

Ум проложит путь и поможет достичь новых побед; العقل يمهّد الطريق ويساعد
لتحقيق انتصارات جديدة

Лучше что-то потерять с умом, чем получить с глупостью; ولا
فقدان العقل الحصول على الغباء

Также ум не зависит от величины бороды, то есть не зависит от возраста человека:

Ум в голове, а не бороде; العقل في الراس وليس في اللحية

Ум человека позволяет ему не только стремиться к работе, но и красиво выражаться:

Счастливый человек тот, кто работает с умом; الشخص السعيد الذي يعمل بعقله

Если ты с умом, то без работы не останешься; اذا تعمل بالعقل فلا تبقى بدون عمل

В поговорке говорится о том, что человек не должен делать все так, как ему захочется, и не отвергать разумные советы других людей:

Один ум хорошо, а два лучше; عقل واحد جيد ولكن اثنين افضل

Количество ума и силы, как голова и действие; العقل والقوة مثل الراس وعمله

Живи своим умом и не игнорируй мнение других; عش بعقلك ولا تهمل النصيحة

Глупый тот, кто не сожительствоует с людьми; الغبي هنا من لا يعاشر الناس

Также арабская поговорка говорит о том, что сущность человека определяется не только умом человека, но и его умными поступками:

Голова на плечах нужна не только для того, чтобы носить шапку; الراس على الكتف ليس لحمل القبعة فقط ولكن للتفكير والعمل

На самом деле голова нужна, чтобы мыслить и думать; وضع الراس للتفكير والعمل

Умный человек всегда продумывает свои действия на один шаг вперед, а глупый является полной противоположностью:

Глупый кричит, а умный молчит; الغبي يصرخ اما الذكي فيصمت

Глупый ведет совой разговор впустую, а умный только по делу; الغبي يتكلم بدون تفكير اما الذكي يفكر ويتكلم

Сущностью этой поговорки является то, что и короткими, четкими фразами можно решить определенную задачу:

Глупый говорит не думая, а умный думает, а потом говорит; الغبي يتكلم بدون تفكير اما الذكي يفكر ويتكلم

Глупый с большими глазами не увидит того, что увидит слепой умный; لا يرى الاحمق كبير العينين ما يراه الذكي الاعمى

Умный поймет с полуслова; الذكي يفهمها وهي طايرة

Умный поймет сигнал; الذكي يفهمها من الاشارة

Умный человек стремится к знаниям, набирает опыт, а глупый хочет только обогатиться легким способом:

Умный ищет знания, а глупый золото; الذكي يبحث عن المعرفة اما الغبي يبحث عن الذهب

У глупого человека короткий ум, но длинный язык; عند الغبي عقل قصير ولكن لسان طويل

Маленький ум увеличит язык; عقل صغير ولسان عبقري

Умный обдумает, а глупый поспешит ответить. Также арабская поговорка говорит о глупых, которые болтают впустую:

Осла угадаешь по ушам, медведя по ногтям, а глупого по его мыслям; يعرف الحمار باذنيه ويعرف الدب بانيايه اما الغبي فيعرف بافكاره

Также в арабской поговорке говорится о том, что нужно сначала на себя посмотреть, а потом о других говорить. Как советует русская пословица, лучше сначала подумать, а потом сказать, это является сущностью ума, а тот, кто сначала говорит, а потом думает – это глупый человек:

Широкий лоб – узкий ум; جبهة عريضة وعقل صغير

Глупый видит осла лошастью; الغبي يرى الحار حصان

Арабская поговорка не забывает и о недостатках человека и утверждает, что ум развивается вместе с человеком и все недостатки уйдут со временем. Сила ума в арабских пословицах и поговорках популярна, и она более востребована, чем физическая сила. Ведь это на самом деле так, потому что умных людей уважают с малого возраста:

С детства уважают хозяина ума; منذ الطفولة يحترم صاحب العقل

Можно узнать человека по его мыслям, а не по его внешности; ممكن ان تعرف الشخص بافكاره وليس بمظهره

Физически сильный человек поборется с одним, а умный с тысячью; القوة ممكن ان تغلب شخص اما العقل فيغلب الف شخص

В арабских пословицах ум и талант связан с мудростью, так что умный человек смотрит на жизнь более широко и все это связано с культурой, с традицией, с моралью. Умный человек должен быть добрым для окружающих, а глупый все делает только для себя, не помогая, не давая совета окружающим:

Знания для глупого, как огонь для ребенка; المعرفة للغبي كالنار للطفل

В итоге можно сказать, что арабская поговорка помогает понять сущность житейских проблем и предоставить бескорыстную помощь [Джалил Камал Аль-Дин,1978].

§3. Средства, способы и приемы формирования семантики фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные свойства человека

В русских фразеологизмах обнаруживаются многочисленные связи мыслительного процесса и различных явлений жизни человека:

1. Ум и речь, язык

В русском языке обнаруживается множество фразеологизмов, имеющих значение «говорить глупость», например:

нести ахинею; нести галиматью ; городить чепуху; говорить невесть что; У дурака и речь дурацкая.

Меньше фразеологизмов, характеризующих речь умного человека:

С умным разговаривать, что меду напиток; В умной беседе быть — ума прикупить (а в глупой, и свой растерять).

В русских пословицах подчеркивается вес слова, его значимость для умного человека, но также и слово умного человека произносится не впустую:

Умному слово пуще дубины; Умный одно слово вымолвит, и то скажется.

Также указывается ценность общения с умным человеком и бесполезность разговора с дураком:

С умным браниться — ума набраться, с дураком мириться (дружиться) — свой растерять; С дураком говорить — в стену молотить (солону молотить); С дураком говорить, что в стену горох лепить.

Связь ума и языка не случайна, ведь речь является продуктом оформления мыслительной деятельности. Соответственно, кто говорит глупости, тот и мыслит так же. Таким образом, в наименованиях интеллектуального действия акцент делается на способности говорить как таковой, без заострения внимания на каких-либо характеристиках речи.

Большая часть арабских фразеологизмов характеризует умного человека как молчаливого:

У кого язык длинный, у того доводы короткие; اللذي عنده لسان طويل عنده عقل صغير

Умный тот, кто приучил себя молчать; الذكي من عود نفسه على السكوت

Гнев глупого – в его словах, гнев умного – в его делах; غضب الغبي بكلماته وغضب الذكي بعمله

Молчание – наряд умного и маска глупца; السكوت عطاء الذكي وغطاء الغبي

Мысль умного ценнее, чем уверенность глупца; افكار الذكي تقييم افضل من تاكيد الغبي.

Немой умник лучше болтливого невежды; الذكي الصامت افضل من الجاهل الثرثار

Е.В. Кухарева дает следующие объяснения «молчаливости» мудрецов Востока: «Разумный, умный человек никогда не спешит с высказываниями. <...> во взвешенных и продуманных словах может родиться мудрое изречение, проявится мудрость» [Кухарева, 160].

Интересным в данной группе половиц является антитеза *сердца* и *языка*, тогда как в русских половицах этого типа противопоставляется *ум* и *слово*. Сравним: *Что на уме, то и на языке*.

2. Ум и красота

Представление об умном и дураке в языковой картине мира дополняют пословицы и поговорки, а также различные выражения, обозначающие соотношение ума и красоты:

Красота – до венца, ум – до конца.

В пословицах, поговорках, афоризмах отмечаются те же признаки, что и во фразеологических единицах, нередко видна параллель пословиц, поговорок и фразеологизмов:

Красен как майский день, а умом пень (ср. пень пнем); Вырос, как осина, а ума в пол-осмина (ср. дубина стоеросовая);

Присутствие умного человека облегчает жизнь:

На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко, а быть рядом с дураком опасно;

Представление об умном и дураке в арабской языковой картине мира дополняют пословицы и поговорки, а также различные выражения, обозначающие соотношение ума и красоты:

Ум украшает человека; العقل غطاء الشخص

*Ум женщины – в её красоте, красота мужчины в его уме; عقل المرء في جمالها
وجمال الرجل في عقله*

Истинная красота - красота ума и воспитания; الجمال الحقيقي هو جمال العقل والتربي

Ум – украшение, а его отсутствие – горе; العقل زينة وغطاء وبدونه مصيبة

Данные фразеологизмы подчеркивают приоритет ума, мудрости над другими качествами человека. К умному человеку обращаются за советом, его ценят и им восхищаются больше, чем просто красивым человеком.

3. Ум и возраст

*От старых дураков молодым житья нет; во всех годах, да не во всех умах;
летами ушел, а умом не дошел; ум не в бороде, а в голове.*

В основе некоторых фразеологизмов об интеллекте человека лежит противопоставление молодой/старый, умный/глупый.

Старость осмыслена носителем русского языка с двух сторон. Проживший большую жизнь человек обладает опытом, и с этой точки зрения обеспечена мотивация для обозначений умного человека. Но старость характеризуется также ослаблением умственных способностей человека, что обеспечивает мотивационную базу для возникновения обозначений интеллектуально неполноценного человека. В русском языке также отмечается неоднозначность старости и ума. Русские пословицы и поговорки предостерегают от приписывания старым людям излишнего ума, мудрости.

В русских половицах нередко указывается, что старые дураки глупее молодых. В народном языковом сознании представляется, что «дурак» должен быть состоянием молодости, а лучше детства, а с возрастом, с обретением знаний о жизни и разума, человек должен поумнеть, о чем говорит ряд пословиц,

противопоставляющих возраст и количество ума. От старости ожидается мудрость:

До лысины дожил, а ума не нажил; До сунета (могилы) выжито, а ума не прижито;

В основе некоторых арабских фразеологизмов об интеллекте человека лежит противопоставление молодой/старый, умный/глупый. Старость для носителя арабского языка дает опыт, а вместе с ним и ум:

Вещь, чем старше, тем дешевле, ум, чем старше, тем дороже; الاشياء كلما قدمت اصبحت رخيصة اما العقل كلما كبر اصبح غالي

Разумный юноша лучше глупого старика; عقل الصغير افضل من الغبي الكبير

Долгий опыт обогащает ум; المعرفة الكبيرة (الزائدة) تطير العقل

Если в русской языковой картине мира слышится предостережение от чрезмерного доверия к уму старика, то в арабских поговорках эта коннотация выражена лишь в единичных пословицах:

Ум в голове, а не в бороде; العقل في الراس وليس في اللحية

Также в арабских фразеологизмах содержится противопоставление роста и ума:

В рост-то пошел, а ума лишен; بالطول مشى وبالعقل صغر

Ростом с пальму, а умом с ягненка; طول النخلة وعقل السخلة

Телом с мула, а умом с ягненка; جسم بغل وعقل سنخل

Как видим, в этих поговорках используются образы деревьев и животных, соотносящихся в языковой картине мира по признаку большой/маленький.

4. Ум в действиях и поступках

Умный и согрешит и поправит; С умом и найти и потерять; Чужим умом недолго жить; Посади дурака за стол, он и ноги на стол; Глупый разум по миру пускает.

Противопоставление ума и глупости в данной группе фразеологизмов показывает ряд важных в языковой картине мира позиций, где отражено

представление русского народа о том, что ум помогает преодолеть все трудности, встречающиеся на жизненном пути. Языковая картина признает за умным человеком право на ошибку, которую он может исправить, у глупца даже доброе намерение опасно: *пошли дурного, а за ним другого*.

Также в русских фразеологизмах ум контекстуально связан с богатством. Русские пословицы утверждают, что с помощью ума можно стать богаче:

С умом собинка нажита, а без ума прожита; Без ума суму таскать, а с умом деньги считать.

Во фразеологизмах данной группы часто упоминается лексема «сума» как синоним нищеты, бедности.

Умный человек упоминается в контексте созидания, значимых результатов:

Где не возьмет топор, там возьмет смекалка; Смекалка и воду останавливает; С умом больше сделаешь, чем одной силой;

Заметим, что в пословицах и поговорках, в которых фигурирует дурак, речь идет только о данном качестве; очевидно, никаких достижений у дурака быть не может, его способность к деятельности даже не рассматривается.

Противопоставление ума и глупости в арабских фразеологизмах данной группы показывает ряд важных в языковой картине мира позиций, где отражено представление о действиях умного человека, как истинных и не подвергающихся сомнению. Умный человек тот, кто знает, что он делает, к чему стремится, его цель четка видна:

Умный сам себя охраняет; الذكي حفيظ نفسه

Выбор (чего-либо) указывает на умного человека; الاختيار الصحيح يعكس اختيار الذكي

Разумный человек знает, к чему он стремится; الشخص الذكي يعرف الى ماذا يخطط;

Умный человек делает то, о чем имеет представление; الشخص الذكي يعمل

بما يمتلك تقديمه

В арабском языке интеллектуальная деятельность человека также оценивается с точки зрения эффективности / неэффективности ее использования:

недостаточно обладать только умом, хорошими интеллектуальными способностями, прекрасной памятью, необходимо уметь все это оптимально использовать:

На умного человека указывает его выбор; الشخص الذكي يشير الى اختياره

У кого в голове есть разум, найдет для себя выход; الذي في راسه عقل يعرف خلاصه

Как и в русском языке, арабские поговорки говорят, что и умный может ошибиться, но его просчет несет больше бед, чем действия глупца:

Если мудрец ошибается, весь мир за ним спотыкается; اذا اخطا الذكي فكل العالم بعده يتعثر

В арабских фразеологизмах ум контекстуально связан с богатством. Если русские пословицы утверждают, что с помощью ума можно стать богаче, то арабские пословицы утверждают, что ум – это и есть богатство человека:

Сокровище умного – его знания; сокровище глупого – богатство; كنز الذكي معرفته وكنز الغبي غناؤه

Знания людей – сокровище; معرفة الناس - كنوزهم

Ум и богатство скрывают недостатки, бедность и невежество обнаруживают их; العقل والثراء تغطي العيوب - الفقر والجهل تظهرها

(Настоящая) нищета – это отсутствие ума, а не денег; الفقر فقر العقل وليس النقود

Глупость (невежество) страшнее (горше) нищеты; الجهل اسوا من الفقر

Арабские пословицы и поговорки об уме положительно отзываются о сообразительности человека, его умении быстро реагировать на ситуацию:

После праздника не готовят тесто для бубликов; بعد الفرح لا تحضر العجينة للكبة

Умный поймет, если подмигнуть, а дурак – если толкнуть; الذكي يفهمها من الغمزة والغبي من الدفعة

Некоторая часть пословиц говорит о ценности дружбы с умным человеком и бесполезности и даже опасности дружбы с глупцом:

Враг человека – его глупость, а друг – его разум; عدو الانسان غيائه وصديق الانسان معرفته

Счастлив тот, чей враг умен; سعيدهنا الذي

Умный враг лучше глупого друга; عدو عاقل افضل من صديق جاهل

Берегись дружбы глупца – он захочет помочь тебе и лишь навредит тебе; ك فيضرك

Дружба глупца утомительна.

5. Способность к мыслительной деятельности

В русской фразеологии выделяется ряд выражений, характеризующих различные интеллектуальные состояния человека. Здесь также, как и в других группах, преобладает негативная характеристика, например:

лишиться ума; сходить с ума; помешаться в уме; выжить из ума; впасть в детство.

Нормальное состояние ума человека характеризуется фразеологизмами:

в своем уме; в здравом уме; в полном рассудке.

Обратим внимание, что в данной группе наиболее часто используется лексема *ум*. Подобное явление связано, на наш взгляд, с представлением носителя языка о мыслительном процессе, в котором ум является «основой сознательной, разумной жизни» [Ожегов 1996].

Таким образом, мы видим, что группа фразеологизмов, характеризующая наличие или отсутствие ума, является наиболее многочисленной и разнообразной по своему составу. Группы, характеризующие наличие или отсутствие внимания и памяти, наличие и отсутствие знания также включают многочисленные вариации, раскрывающие восприятие этих категорий носителями русского и арабского языка.

Арабские фразеологизмы, характеризующие способность человека к мыслительной деятельности, полностью идентичны аналогичным русским

фразеологизмам. В данных выражения часто встречается лексема «ум», как главная составляющая мыслительного процесса:

Голова варит; راس يغلي

Умный понимает с полуслова; الذكي يفهم من نصف كلمة

Помрачение ума; يزيغ بعقله

Помутить разум; يضل بعقله

Братся за ум. يعمل بحواسه

6. Противопоставление быстрого ума и долгой думы

В русских пословицах мы встречаем многочисленные примеры пословиц, где противопоставляется способность мылить быстро и долго размышлять:

Хоть сто лет думай, лучше этого не выдумаешь; Долго думал, да ничего не выдумал; Долго сидел (корпел), да ничего не высидел; Да ты бы наперед подумал. — Пробовал, братец, хуже; Думал много, да вошь и поймал; Передумкой не воротишь. Рожают, так не думают; Думай так, чтоб сразу выдумать. Думка — недоумка; Думай, да чтоб не было передумки. Передумка — недоумка; Всяк умен; кто сперва, кто опосля; Догадался, как проигрался (как проголодался); Задним умом дела не поправишь; Не удержался за гриву, а за хвост не удержишься; Кабы мне тот разум наперед, что приходит опосля; Кабы цыгану (тот ум) наперед, что у мужика назади; Дума, что борода: лишняя тягота; Что долго думать: отрубил, да и в шапку; Что больше думать, то хуже. Много думать — голову кружить; Долго думать — тому же быть. Думай, не думай — тому же быть.

Как видим, представленный материал говорит о положительной коннотации «быстрого ума» и об отрицательной коннотации «долгой думы». Хорошая мысль ценна в нужный момент, а по прошествии актуального времени она бесполезна.

Таким образом, представленный материал говорит о том, что русские фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные способности человека, глубоко своеобразны. Благодаря им в русской языковой картине мира создаются образы умного человека и дурака с использованием разнообразных

параллелей между миром человека и миром живой и неживой природы, человеческим бытом. Сравнение русских и арабских фразеологизмов говорит о том, что в русском языке нами встречены многочисленные фразеологизмы, аналогов которым нет в арабском языке. Поэтому требуются объемные пояснения при изучении подобных ФЕ носителями других языков. Следует отметить и своеобразие образа дурака, который вычленяется путем анализа русских пословиц и поговорок. Двойственное отношение к этому образу является спецификой русского менталитета.

ГЛАВА 3.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

§1. Стилистическое использование фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные свойства человека

Фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные качества человека, можно отнести к разным стилистическим пластам языка. Самая большая часть исследуемых фразеологизмов относится к разговорному стилю языка, или даже к просторечному (такие как *дурья башка*, *дубина стоеросовая* и т.п.). Также нами встречены ФЕ, относящиеся к книжному стилю русского языка. Обычно, отнесение ФЕ к тому или иному стилю языка закреплено в словаре, однако в художественной, публицистической и разговорной речи нередко мы встречаем некоторые изменения, касающиеся семантики и стилистической отнесенности того или иного выражения.

Эти изменения особенно заметны, если вспомнить о том, что свойствами фразеологизмов являются вполне определённое значение и постоянный состав и структура. Однако в речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы фразеологических единиц, обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации, способных отражать в своей смысловой структуре специфику единичных предметов и ситуаций.

Все контекстуальные преобразования фразеологизмов опираются на их системные свойства и выявляют закономерные связи между фразеологическими единицами как элементами фразеологической системы и их речевыми реализациями. Стилистические приёмы, используемые для усиления

экспрессивности, видоизменения предметно-понятийного содержания фразеологических единиц, приводят к окказиональному преобразованию их семантической структуры. Системность и нормативность приёмов преобразования фразеологизмов, выявляемая в аспектах языка и речи, сочетается с индивидуально-авторской, творческой реализацией их, обусловленной стилистическими, художественно-изобразительными функциями.

В исследованиях фразеологизмов мы наблюдаем интерес к теме стилистических трансформаций ФЕ.

Одним из первых ученых, изучавших внутриконтекстные изменения семантики фразеологизмов, был А.В.Кунин, который ввел в лингвистику понятия «узуальное употребление» и «окказиональное употребление» и проанализировал различные типы «окказионального употребления» фразеологических единиц.

С этой точки зрения ученый выделяет несколько типов фразеологических конфигураций:

1. Узуальная конфигурация первой степени, при которой ФЕ реализуют свое словарное значение, сохраняя стилистическую окраску, традиционную структуру и компонентный состав.

2. Узуальная конфигурация второй степени, которая характеризуется усилением стилистического эффекта в рамках изначально присущей стилистической тональности.

3. Окказиональная конфигурация первой степени, в рамках которой происходит реализация окказионального преобразования ФЕ благодаря использованию многочисленных стилистических приемов.

4. Окказиональная конфигурация второй степени, которая включает в себя использование сложных стилистических приемов. [Кунин 2005, 202]. Эту же тему развивает в своей монографии Е.Ф.Арсеньева, выделяя следующие типы трансформаций:

1. Замена лексического компонента;

2. Вклинивание ФЕ;
3. Добавление переменного компонента;
4. Эллипсис. Фразеологическая аллюзия;
5. Фразеологический повтор;
6. Расширенная метафора;
7. Фразеологическое насыщение контекста [Арсентьева, 2006].

Большинство ученых придерживаются мнения, что замена лексического компонента является одним из самых распространенных типов контекстуальных трансформаций.

И.Б. Голуб [Голуб 1997] выделяет следующие варианты трансформаций фразеологических единиц:

1. Разрушение образного значения фразеологизмов. Прием разрушения образного значения фразеологизма не затрагивает лексико-грамматического состава – его внешняя форма обычно сохраняется, но смысл толкуется по-новому.
2. Изменение количества компонентов фразеологизма.
3. Преобразование состава фразеологизма.

Обновление состава фразеологизмов усиливает их экспрессивную окраску, но может и не влиять на их значение. Своеобразным стилистическим приемом авторской обработки фразеологизмов является контаминация нескольких фразеологических единиц.

Интересной на наш взгляд является работа К.Н.Дубровиной [Дубровина 2005], которая очень подробно анализирует способы и приемы стилистического преобразования, выделяя следующие способы использования ФЕ:

1. Без трансформации: при этом стилистический эффект возникает в результате взаимодействия фразеологизма с контекстом.

В этом случае стилистический эффект возникает за счет взаимодействия фразеологизма с контекстом.

1.1. Семантический парадокс – ФЕ сталкивается в одном контексте с лексико-фразеологическими единицами, не совместимыми с ним по их семантическим характеристикам.

1.2. Стилистический парадокс – в одном контексте сталкиваются единицы, принадлежащие к разным стилям речи и имеющие различную стилистическую окраску.

1.3. Взаимодействие между двумя ФЕ в одном контексте или между ФЕ и свободным словосочетанием, когда взаимодействуют или отдельные компоненты разных ФЕ, или компонент ФЕ и компонент-омоним СС (свободного словосочетания) для создания иронии, насмешки, сарказма и чаще – каламбура. Между взаимодействующими компонентами могут возникать отношения синонимии, антонимии, омонимии и др.

2. С частичной трансформацией: изменяется семантика при сохранении формы ФЕ.

2.1. Использование фразеологического оборота в прямом значении. Здесь реализуется прямое (генетически исходное) значение ФЕ, а стилистический эффект возникает из-за использования в контексте внешнего омонима ФЕ.

2.2. Полное совмещение (двойная актуализация) – использование словосочетания одновременно и в прямом, и в переносном (фразеологическом) значении (реализация в одном контексте обоих значений словосочетания). Полное совмещение возможно лишь при трансформациях т.н. реальных ФЕ – которые имеют в современном языке прототипы (словосочетаний, метафоризация которых дала ФЕ).

3. С частичной трансформацией: изменяется форма фразеологизма при сохранении его семантики.

3.1. Замена одного из компонентов фразеологизма (оказиональным вариантом) при этом семантика может остаться без изменений.

3.2. Расширение компонентного состава ФЕ. Иногда расширение не приводит к существенному изменению семантики, а лишь интенсифицирует его.

4. С полной трансформацией и формы, и семантики фразеологизма.

4.1. Изменение семантики ФЕ при замене одного из компонентов новым, окказиональным.

4.2. Нарушение фразеологической непроницаемости – расширение компонентного состава ФЕ, при котором у к.-л. компонента появляется зависимый компонент, не входящий в состав ФЕ и возвращающий компоненту его прямое значение. В результате нарушения фразеологической непроницаемости целостное, нерасчлененное значение ФЕ «расщепляется» и происходит демегафоризация ФЕ (возвращается его прямое значение). После такого преобразования возникает оборот с прямым значением, омонимичный фразеологизму, и происходит двойная актуализация.

4.3. Контаминация фразеологизмов: 1) объединение ФЕ, имеющих одинаковый компонент (иногда – компоненты-омонимы), 2) объединение ФЕ-синонимов или ФЕ-антонимов.

1) Объединение ФЕ, имеющих одинаковый компонент (иногда – компоненты-омонимы).

2) Объединение ФЕ-синонимов или ФЕ-антонимов.

4.4. Прием «фонетической мимикрии» – звукового уподобления слова или его преобразованного варианта другим словам. Прием основан на частичной морфофонетической трансформации компонента, приводящей к полному изменению семантики компонента и всего оборота.

1) Замена одной-двух фонем или морфем другими.

2) Добавление (вставка) одной-двух фонем или морфем.

3) Усечение на одну-две фонемы:

Во всех случаях фонетической мимикрии исходный ФЕ является вторым планом, на обязательном соотношении с которым создается стилистический эффект.

4.5. Образование окказиональных авторских оборотов на основе общенародных, узуальных фразеологизмов. По степени сходства/различия авторские ФЕ можно разделить на две группы:

1) Замена части узуального ФЕ окказиональным фрагментом. При этом частично изменяется семантика ФЕ: от узуального оборота берется наиболее широкое, обобщенное значение, а в окказиональной части сосредотачивается более узкое, конкретное, актуальное содержание.

2) Автор использует только основную мысль (образ, содержание или отдельные компоненты) исходного ФЕ. Здесь самого ФЕ как целостной единицы уже нет, а остался только общий образ (аллюзия).

4.6. Комбинированные приемы трансформации фразеологизмов.

5. Экстралингвистические средства при использовании ФЕ в стилистических целях.

К экстралингвистическим средствам относятся невербальные средства общения и информации – жесты, мимика, рисунки, символические знаки и т.п. Совмещение собственно лингвистических и экстралингвистических приемов усиливает стилистический эффект (карикатуры, комические рисунки).

В результате проведенного исследования ученый приходит к следующим выводам:

Некоторые стилистические приемы присущи ФЕ как особой единице языка. Здесь важны:

1) Генетическая вторичность ФЕ (переносность, метафоричность его значения). На этом основан прием употребления оборота одновременно и в прямом, и в переносном значении (двойная актуализация).

2) Компонентный состав словного характера. На этом свойстве основаны приемы замены одного из компонентов его внешним омонимом (словом в прямом значении), замена отдельных компонентов фразеологизма окказионализмами, расширение компонентного состава ФЕ (с изменением и сохранением семантики).

3) Постоянство компонентного состава и структуры ФЕ и связанная с этим свойством непроницаемость фразеологизма, нарушение которой приводит к изменению семантики оборота и, затем, его демегафоризации.

4) Экстралингвистические факторы (разнообразные культурно-исторические знания адресата и различные невербальные средства (рисунки, жесты, мимика и т. д.), которые важны при двойной актуализации оборота.

В следующих параграфах третьей главы нашего исследования мы применим разработки ученых к нашему материалу, рассмотрим, как используются различные фразеологические единицы, как они трансформируются в художественном и публицистическом тексте, в разговорной речи.

В настоящей главе мы рассмотрим фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальные свойства человека с положительной и отрицательной коннотацией, наиболее часто встречающиеся в современном русском языке в разнообразных по стилю текстах.

§2. Фразеологизмы с положительной характеристикой интеллектуальных способностей человека в современном дискурсе

Из всего собранного материала мы выделили 7 положительных (*голова – всему начало; ума палата; светлая голова; семи пядей во лбу; в своем уме; всякая мудрость от бога; голова на месте*) и 7 отрицательных характеристик (*дубовая башка; дурья башка; чурка с глазами; дубина стоеросовая, дуракам (-у) закон не писан, набитый дурак, нести ахинею*). В следующем параграфе мы рассмотрим практику их использования и варианты трансформации значения в зависимости от стиля текста. Данная часть работы представляет собой выборку примеров

употребления выделенных фразеологических единиц в различных контекстах в форме небольшого словаря с комментариями. Мы указываем количество употреблений данного выражения по данным поисковых интернет-систем (Яндекс (www.yandex.ru), Гугл (www.google.com), Мейл (www/mail.ru) и др.), а также по данным Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>). Материалы расположены следующим образом: в начале каждого описания употребления ФЕ указываются словарные статьи, объясняющие данную ФЕ, затем приводят примеры употребления в художественном и публицистическом тексте с выделением ФЕ, использованных в сильной позиции заголовка. Примеры из публицистических текстов разделены по тематике контекста.

Наиболее частотным выражением, содержащим положительную характеристику интеллектуальных способностей человека, является выражение **«ГОЛОВА – ВСЕМУ НАЧАЛО»**, которое по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 2 млн. раз, по данным Национального корпуса русского языка – 3 раза.

Данное выражение зафиксировано в «Пословицах русского народа» В.И. Даля в разделе «УМ – ГЛУПОСТЬ», в Толковом словаре В.И. Даля, в Большом толковом словаре русского языка [Кузнецов 1998] без указания толкования данного выражения.

Данный фразеологизм преимущественно используется в следующих контекстах:

1. В художественных текстах

В художественных текстах данное выражение в большинстве случаев используется в своем полном виде и с небольшими трансформациями и в основном значении. Нередко это выражение подводит некий итог размышлениям автора или персонажа, также данное выражение приводится как аксиома, является одним из доказательств мысли автора (или персонажа):

Тихон Алексеич говаривал: "уездный суд - всему начало и всему голова: тут молодой человек всему навьикнет, тут и тяжёбные дела и уголовные, тут всего лучше начинать службу" (П.И. Мельников-Печерский. Непременный);

– Правильно судишь, Варсонофий, – одобрил Емельян Иваныч. – Всему голова — начало... А ежели начало положим, так уж... того... не пятиться! (Шишков В.Я. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 3 (1939-1945);

С головы начинает гнить абсолютно каждый человек. Потому что: "Голова - всему начало" (Зеленецкий Ю.Г. Гнилоголовость. / Журнал "Самиздат", 20/06/2011, [Электронный ресурс] Режим доступа: http://samlib.ru/z/zeleneckij_j_g/gniligolovost.shtml).

2. В названиях конкурсов, конкурсных заданий

Данная пословица в своем прямом значении без изменений широко используется для названий интеллектуальных конкурсов для детей, а также для названий конкурсных заданий.

Конкурсная игровая программа «Голова - всему начало». Составитель: И.М. Копытова (Копытова И.М. Конкурсная игровая программа «Голова - всему начало»/ МАОУ ДОД "Центр детского творчества" [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://59311s028.edusite.ru/p48aa1.html>);

“Голова всему начало – отгадай сказочку сначала”.(Нечаева А. Ты + Я = одна семья. Семейный праздник в начальной школе. //Библиотека в школе. - №10/2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://lib.1september.ru/view_article.php?id=201001018).

3. В статьях о здоровье

Данная ФЕ часто встречается в статьях, посвященных проблемам здоровья человека, где используется в качестве названия. Обращение авторов медицинских статей к данной пословице обусловлено стремлением подтвердить важность поднимаемой темы.

Такое название получила статья о пользе лечебного массажа головы.

«Голова – всему начало» (Плеханова Л. Голова – всему начало //Мысли и здоровье [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gazeta-mz.ru/rubrics/beauty_and_health/70).

Этот же фразеологизм использован в заглавии для статьи о профилактике осложнений черепно-мозговых травм.

«Голова – всему начало» (Коллективный. Голова – всему начало. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://nevrolog2009.narod2.ru/osnovi_zdorovya/?page=5&uid=132783815061).

4. В статьях о парикмахерском искусстве.

Фотоматериал о прическах также получил название с использованием данной ФЕ.

«Голова - всему начало...» (Pinme-beta [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://pinme.ru/u/visare777/golova-vsemu-nachalo/>).

Выражение **«УМА ПАЛАТА»** по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 1 млн. раз, по данным НКРЯ – 89 раз.

Данное выражение зафиксировано в «Пословицах русского народа» В.И.Даля в разделе «УМ – ГЛУПОСТЬ» без указания толкования данного выражения; в Большом словаре русских поговорок [В. М.Мокиенко, Т. Г.Никитина. 2007], где указывается основное значение данной ФЕ.

1. В художественном тексте данный фразеологизм используется в своем прямом значении преимущественно для создания разговорного стиля, для характеристики персонажа. Употребление данной ФЕ создает иронический подтекст.

«Матушка-государыня... Женского полу, а ума – палата! Ей-ей, палата!»

*Не имея охоты пикироваться с тупым Гаврилкой словами, государыня – **ума палата*** (Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010).

В грехах, как в репьях, а ума палата (Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008).

*А откуда все это Лидия знала, все эти большие тонкости про сервировку стола, про стирку, подсинивание и подкрахмаливание, и про то, как правильно мужскую сорочку сложить, и как на зиму вещи сохранить от моли, и как таблетку ребенку раздавить, а потом на кисель, и многое другое – это отчасти от Эмильки, которая всему ее сама обучила, отчасти из курсов, а остальное из воздуха, само собой, потому что красоты у Лидии не было, зато **ума палата**. Это она про себя давно знала* (Людмила Улицкая. Цю-юрихь // «Новый Мир», 2002).

2. В статьях об общественно-политической жизни страны данный фразеологизм преимущественно используется в заглавиях, где, кроме прямого значения данного фразеологизма, обыгрываются ассоциации, возникающие при использовании слова «палата». В связи с этим данная ФЕ используется в описании деятельности Государственной Думы (нижней палаты Федерального собрания) и Совета Федерации (верхней палаты Федерального собрания), в описании работы больницы.

В позиции заголовка

Ума палата. [Руслан Бахтигареев. 3 ноября 2012// Время. Общественно-политическая газета Казахстана – <http://www.time.kz/index.php?module=news&newsid=30204>] Название статьи о нововведениях Национальной экономпалаты Казахстана.

Ума палата. *Летом в столице откроется уникальный медицинский центр* (Ольга Игнатова // "Российская газета" – Федеральный выпуск №4911 (87) <http://www.rg.ru/2009/05/18/palata.html>). Название статьи об открытии Центра патологии речи и нейрореабилитации.

Ума палата. (Сергей РАСОВ. //zakon.kz - <http://www.zakon.kz/190077-uma-palata.html>). Название статьи о деятельности Общественной палаты Казахстана.

3. Также данное выражение, как и другие фразеологизмы со словом «ГОЛОВА», активно используются **в названиях конкурсов, игровых программ.**

Ума палата. Генератор креативных идей (Ума Палата (Магазин Игрушек) <http://ru-ru.facebook.com/uma.palata.5>).

Ума Палата (Магазин Игрушек) зарегистрирована на Facebook.

Фразеологизм «**СВЕТЛАЯ ГОЛОВА**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 2 млн. раз, по данным НКРЯ – 123 раза.

Данное выражение зафиксировано во «Фразеологическом словаре русского литературного языка», где поясняется его значение.

Наиболее часто это выражение встречается в **художественных текстах** как в прямом, так в переносном смысле, придавая иронический оттенок высказыванию.

Безусловно, дедушка Рахленко – мудрейший человек, светлая голова, но семьдесят пять — это семьдесят пять (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)).

— Лучший и выдающийся! — Светлая голова! — Железные нервы! (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)).

К тому же у юноши очень светлая голова, он талантлив, и все рушится в одночасье (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)).

— О чем твоя светлая голова задумалась? Не хочешь ехать в главк? (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)).

Конечно, на то он и светлая голова, чтобы дать новый материал и научить работать с ним рабочего и мастера, но от этого Земля в Луну не превратится (Сергей Солоух. Одна любовь, один проект // «Октябрь», 2003).

Аналогичным образом ФЕ используется и в **публицистических текстах** различной тематики (о культуре, об экономике). В статьях о здоровье данный фразеологизм часто встречается в качестве заголовка.

Вот его мнение о С.М. Михоэлсе: *«Светлая голова»* (Владлен Давыдов. Театр моей мечты (2004).

Это потому, что в 70-е годы, когда разрабатывались соответствующие СНиПы (строительные нормы и правила), какая-то светлая голова предположила: если в доме случится пожар, доблестные советские пожарные должны иметь возможность мощным ударом сапога вышибить дверь с петель и спасти жителей (Посторонним В. (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.11.18).

Как и другие ФЕ со словом «голова» выражение «светлая голова» часто используется в **статьях о здоровье в позиции заголовка**, где значение трансформируется и используется уже не как характеристика ума, а как описание состояния человека. Светлая голова в данном случае обозначает «здоровая голова», «ясная голова».

Дженнифер Пиртл, Бакстер Белл «Светлая голова». Название комплекса упражнений для уменьшения головных болей. (Yoga-journal. №1 весна 2005 <http://yogajournal.ru/practice/real-target/3927/>).

Светлая голова (Миксы и курсы). Название мероприятия (курса массажа) (Сиам. Центр релаксации. Искусство тайских мастеров http://siam-rus.com/mix_and_courses/svetlaia-golova).

«Светлая голова» в глубокой старости. Название рекламной статьи о БАДе для улучшения работы головного мозга. (Метро. <http://www.metronews.ru/reklamnye-stat-i/svetlaja-golova-v-glubokoj-starosti/Tpoljp---cFD7KbPVsiBQ/>).

Выражение **«СЕМИ ПЯДЕЙ ВО ЛБУ»** по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 228 тыс. раз., 174 раза – по данным НКРЯ.

Данное выражение зафиксировано в «Пословицах русского народа» В.И.Даля в разделе «УМ – ГЛУПОСТЬ» без указания толкования данного выражения, в словаре М. И. Михельсона, где объясняется значение данного выражения:

Фразеологизм «*СЕМИ ПЯДЕЙ ВО ЛБУ*» широко используется в самых разнообразных по стилистике текстах.

Данное выражение используется в **художественных текстах** в качестве речевой характеристики персонажей. Днная ФЕ нередко выражает сомнение в способностях человека.

И Бенкендорф, и фон Фок, и Дубельт, надворные и титулярные, управлявшие экспедициями, могли быть семи пядей во лбу (а некоторые и были), могли проверять и перепроверять, а всё равно бултыхались, как рыбины, в мелкочейстых сетях шпионицины. (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989).

А нашего Ивана, пусть он семи пядей во лбу, сразу по шапке, уступай дорогу нацмену! (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)).

Зал тем временем жует, шебуришит в толстенных справочниках, никто ни на кого не обращает внимания, будь ты хоть семи пядей во лбу, как наш Александр Яковлевич (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).

Вы все умники, семи пядей во лбу, делаете все сложным! (Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005).

Хоть он был и не семи пядей во лбу, суть он всегда понимал верно (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)).

В **публицистических текстах** данный фразеологизм используется для создания экспрессивного стиля. Данное выражение используется в своем прямом значении без трансформации смысла, однако, как и в художественном тексте, оно используется для выражения сомнения в интеллектуальных способностях человека, для подчеркивания сложности сложившейся ситуации.

*И никакой школьный электрик, будь он **семи пядей во лбу**, с подобным положением не справится (коллективный. Электричество: доставить и распределить // «Наука и жизнь», 2007).*

*И хотя Айн Рэнд всегда утверждала, что борется с большевизмом, не нужно иметь **семи пядей во лбу**, чтобы догадаться: речь идет о христианстве (Сергей Голубицкий. Who is John Galt? (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17).*

*Не надо быть **семи пядей во лбу**, чтобы понять, если в семье принято перераспределять доходы в пользу неудачливых ее членов, то семья – это твоё страховое общество, а доходы твоих братьев и сестер – это твой резерв (Евгений Сабуров. Экономические прелести патернализма (2004) // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15).*

*Не надо быть **семи пядей во лбу**, чтобы понять, что делается это целенаправленно (Юрий Спиринов и др. Оперативный розыск (2003) // «Известия», 2003.06.24).*

*Не нужно быть **семи пядей во лбу**, чтобы предугадать: следующая Дума будет рекордной по числу представителей крупного российского капитала (Павел Воцанов. Проект «враги народа» (2003) // «Новая газета», 2003.01.02).*

Также данное выражение, как и рассмотренные нами фразеологизмы со словом «голова», активно используются в **названиях интеллектуальных конкурсов, игровых программ.**

*Проект «Интеллект-экспресс» «**Семь пядей во лбу**», I тур, осень 2010/2011 учебный год. Задания для учащихся 3-4 классов. (Интеллектуально-творческий потенциал России http://www.future4you.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=907&Itemid=495).*

Выражение «**В СВОЕМ УМЕ**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 747 тыс. раз, по данным НКРЯ – 234 раза.

Данное выражение зафиксировано во «Фразеологическом словаре русского литературного языка». Также данное выражение закреплено в Большом толково-фразеологическом словаре Михельсона, где указывается основное значение данной ФЕ.

Данный фразеологизм используется преимущественно с предлогом «не» в отрицательной форме.

В художественном тексте данная ФЕ включается в речь персонажей, создает экспрессивный стиль. Фразеологизм используется преимущественно в вопросительной форме и служит для выражения сомнения героя в нормальном психическом и умственном состоянии собеседника.

Голубчики, я не понимаю, вы в своём уме? (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

Чай, уже немного осталось... — Да вы в своём уме? — спрашиваю. — Как так — немного? (Григорий Горин. Когда горит душа (1974-1984)).

Теперь они уже сами имели внуков; и Сташенки и другие люди приходили, я никого к матери не пускал, всё время заходил к ней сам, боялся, она что-нибудь сделает над собой, ясно, что она уже не в своём уме (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)).

Море посмотреть. — Ты в своём уме? За столом замерли (Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972)).

В публицистическом тексте этот фразеологизм также используется для усиления эмоциональности текста. В некоторых случаях данный фразеологизм употребляется в своем прямом значении, с положительной стороны характеризуя интеллектуальные способности человека.

Ни один бизнесмен в своём уме не стал бы инвестировать в проект с такой низкой рентабельностью (Дмитрий Фролов. Цензура с рыночным лицом (2003) // «Совершенно секретно», 2003.04.08).

Однако «герцог большую часть времени пребывает в состоянии такой интоксикации, что фактически non compos mentis (не в своем уме) (Владимир Абаринов. Хайль Виндзор! (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.04).

Художник, музыкант и сам себе проект Neoangin исполняет композиции в стиле «сумасшедшего Stereototal» (которые и сами не очень в своем уме) (Андрей Куманов. Несерьезный балаган. Музыка (2003) // «Известия», 2003.02.06).

Также данный фразеологизм широко используется на **форумах**. В сфере общения данная ФЕ нередко употребляется в отрицательной форме в виде вопроса, как и в художественном тексте. Такая форма усиливает экспрессивность, устанавливает видимость живого общения. Собеседники отчетливо представляют, с какой интонационной окраской произносится данное выражение.

Вам на форуме ни один врач в здравом уме советовать не станет. Он вас всё равно попросит "к себе" в больницу на обследование. И скорее всего скажет делать остеосинтез, потому что гипс - действительно гораздо более рискованный вариант (орфография и пунктуация сохранена) (коллективный. TambovNetForums. Общий. Ваше здоровье . Заглядывают ли сюда врачи-травматологи? Форум о медицинской диагностике (22.07.2012)<http://forum.tambovnet.org/showthread.php?tid=48422&page=3>).

...мой муж: дима, ты в своем уме??? (орфография и пунктуация сохранена) (26 октября в 12:04 Беременность как проба на "вшивость" друзей<http://forum.deti.mail.ru/topic.html?fid=3&tid=233748> Беременность: Планирование беременности (форум) (2005).

Вы в своем уме ботекс лечит косоглазие? (орфография и пунктуация сохранена) (Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005).

Фразеологизм **«ВСЯКАЯ МУДРОСТЬ ОТ БОГА»** по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более **362 тыс.** раз, в НКРЯ – нет данных.

Данное выражение зафиксировано в «Пословицах русского народа» В.И. Даля в разделе «УМ – ГЛУПОСТЬ» без указания толкования данного выражения.

Исследованный нами материал показывает, что чаще всего это выражение используется в религиозно-дидактических и публицистических текстах.

В религиозно-дидактических текстах данное выражение представлено в своем основном словарном значении. Нередко встреченные нами статьи являются объемным толкованием данного выражения с позиций христианства.

Главное учение носит чисто средневековый характер: всякая мудрость – от Бога и имеет три источника откровения: Писание, наблюдение природы и внутренний свет души, достигаемый восхождением по семи ступеням «внутреннего опыта» (ХРОНОС – всемирная история в интернете. Бэкон, Роджер (Bacon, Roger) 1214–1294 **БИОГРАФИЧЕСКИЙ** **УКАЗАТЕЛЬ** http://www.hrono.ru/biograf/bio_b/bekon_r.html).

Этот ответ был прямо с небес, как и всякая мудрость от Бога. Никто не ожидал таких слов, которые, словно меч, затронули совесть фарисеев. Они выбросили камни на землю и постепенно разошлись... (Воспоминания о Голгофе. У Бога есть третий вариант, когда Вы меж двух огней! 9 Августа 2012 Рассказы и примеры для проповедей Автор: alalex <http://pentecost.org.ua/>).

*Из того очевидно, что эти любви относят все к человеку и его предусмотрительности, и если внутренне расследовать их, то ничего не относят к Богу и ничего к Его Божественному Провидению; раз же случайно люди любовью таких услышат, что истина в том, что человеческая предусмотрительность ничтожна, и что одно Божественное Провидение всем управляет, то, если они совершенные атеисты, они смеются над тем; если же удерживают в памяти нечто из религии, а говорят им, что **всякая мудрость исходит от Бога**, они, правда, утверждают это предложение, раз услышали его,*

но, тем не менее, внутренне, в духе своем его отрицают (Эммануил Сведенборг. Мудрость ангельская о Божественном провидении).

Выражение **«ГОЛОВА НА МЕСТЕ»** по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 74 тыс. раз, по данным НКРЯ – 18 раз.

Данное выражение зафиксировано в «Фразеологическом словаре русского литературного языка» с указанием значения.

Данный фразеологизм используется **в художественных текстах** преимущественно в переносном смысле с ироническим оттенком. Кроме словарного значения, в художественном тексте данное выражение приобретает новый смысл. «Голова на месте» – так говорится и об ощущениях человека после травмы, аварии.

Это была моя нога, и только запёкшаяся от крови царапина напоминала о том, что эта нога совсем недавно была муравьиной лапой, и руки у меня были теперь как руки, и голова... И голова на месте... Чтобы прийти окончательно в себя, я ещё немного полежал в траве, потом немного посидел, а потом встал, отряхнул штаны и, спрятав руки в карманы, как человек зашагал к дому (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957).

Надеюсь, у вашего старшего голова на месте и он знает слово «договариваться» (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска (2003).

Все, как видишь, можно сделать, если руки и голова на месте (Андрей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000).

Иронический оттенок выражения сохраняется и в публицистических текстах, **в статьях на общественно-политические темы**, где фразеологизм нередко употребляется в качестве названия. Данная ФЕ нередко используется и в переносном значении, где слово «голова» соотносится с понятием «глава администрации».

Владимир Познер: “Думаешь, что **голова на месте**, а ее нет” Название интервью с В. Познером. (Дмитрий Грозный. // Деловая газета. 27 февраля 2012 - http://www.dg-yug.ru/a/2012/02/27/Vladimir_Pozner_Dumaesh).

Когда голова на месте. Название статьи о деятельности администрации города.

*Вероятно, белорусы и чувствуют себя гордо, и живут лучше потому, что у них **голова на месте.*** (РКРП-РПК. "Трудовая Россия" N 320. Общество <http://tr.rkrp-rpk.ru/get.php?2818>).

Голова на месте. Название статьи о назначениях на посты районных глав администраций (Дмитров. http://www.idmitrov.ru/news_1064.html).

– *В меня пошел – мастеровой парень. И руки, и **голова на месте.** И дом вот замахнулся двухэтажный строить* (Поселок с лицом на восток (2004) // «Биробиджанер Штерн», 2004.12.07).

Наши наблюдения могут быть представлены в виде таблицы, где представлены статистические данные вариантов использования фразеологических единиц: без трансформации, с трансформацией формы, с трансформацией содержания, с трансформацией формы и содержания:

в художественных текстах:

	Использование ФЕ в сильной позиции				Использование ФЕ в тексте			
	Без тр.	Тр. формы	Тр. содерж.	Тр. формы и содерж.	Без тр	Тр формы	Тр содерж.	Тр. формы и содерж.
<i>голова – всему начало</i>					4	2	1	
<i>ума палата</i>					48		37	
<i>светлая голова</i>					59			
<i>семи пядей во лбу</i>					92	1		
<i>в своем уме</i>					203			

<i>всякая мудрость от бога</i>					1			
<i>голова на месте</i>					4		6	

в публицистических текстах:

	Использование ФЕ в сильной позиции				Использование ФЕ в тексте			
	Без тр.	Тр. формы	Тр. содерж.	Тр. формы и содерж.	Без тр	Тр формы	Тр содерж.	Тр. формы и содерж.
<i>голова – всему начало</i>	2	3	11					
<i>ума палата</i>	6		5		25			1
<i>светлая голова</i>	10		1		55			
<i>семи пядей во лбу</i>	6				68			
<i>в своем уме</i>					31			
<i>всякая мудрость от бога</i>					10	2		
<i>голова на месте</i>	8			2	7		1	1

§3. Фразеологизмы с отрицательной характеристикой интеллектуальных способностей человека в современном дискурсе

Выражение «**ДУБОВАЯ БАШКА**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 578 тыс. раз, по данным НКРЯ – 18 раз.

Данное выражение зафиксировано в «Фразеологическом словаре русского литературного языка», а также в Большом словаре русских поговорок [В.М. Мокиенко, Т. Г.Никитина 2007] без указания значения данного выражения.

Данный фразеологизм широко используется в разнообразных по стилю текстах.

В художественный текст данная ФЕ включается в речь персонажей, создает экспрессивный, просторечный стиль.

*Разве не видишь, что человек правду говорит! И какая у тебя **дубовая башка!** Чать, я думаю, различить сразу можно* (Аркадий Гайдар. В дни поражений и побед (1922-1925).

*Озлобленно плюют... — Н-ну, **дубовая башка!** .. Громко звучит нецензурное ругательство и — противный звук, точно ударили ладонью по тесту...*(Максим Горький. Тюрьма (1904).

*Что же ты, **дубовая башка,** так дерешься?* (А. В. Сухово-Кобылин. Смерть Тарелкина (1869).

В публицистическом тексте этот фразеологизм также используется для усиления эмоциональности текста.

*Это - **Дубовая башка.** Я его так нежно называю. После одного мощного хука...*(Дарья. Бокс: мужские и женские забавы. Москва: инструкция. 25 Ноября 2008<http://moscowinst.ru/instructions/relax/4899.html>).

Также данный фразеологизм широко используется при общении на **форумах.**

*В номинации "**Дубовая башка**" победил Вадим Бойко, известный как "жемчужный прапорщик", с остервенением разгонявший митинг в Петербурге* (Журнал usovevg. "**Деревянная башка**" и другие. 11 ноября, 2010 <http://usovevg.livejournal.com/511045.html>).

Выражение «**ДУРЬЯ БАШКА**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 528 тыс. раз, по данным НКРЯ 20 раз.

Данное выражение зафиксировано в «Фразеологическом словаре русского литературного языка».

Фразеологизм «*дурья башка*» широко используется в разнообразных по стилю текстах.

В художественный текст данная ФЕ включается в речь персонажей, создает экспрессивный, просторечный стиль. Нередко данное выражение используется в виде обращения персонажа к собеседнику, либо к самому себе.

Много будешь знать, дурья башка, заболеешь, пропадёшь (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001).

Это уже фрицы потом у нас переняли! Станции, дурья башка! — Но солнца ведь больше нет... — выдавил Артем, чувствуя, как перед глазами снова встает мутная пелена, смысл услышанного ускользает, и он отходит во мглу (Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005).

Внезапно, почти без перехода, Тарарах подскочил и хлопнул себя по лбу. — Как же я забыл, дурья башка! С Гоярыном такое уже случилось раз! (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004).

— От дурья башка, совсем вылетели эти бисовы контейнеры (Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001).

В публицистическом тексте этот фразеологизм также используется для усиления эмоциональности текста и используется преимущественно в текстах, связанных с обучением чему-либо.

А этому хоть кол на голове теши. Дурья башка! Все вышеприведенные формулы, возможно, яркие, образны и экспрессивны. (Алина Бикеева. Как мы разговариваем с детьми.)

Как-то раз, решила одна девица-красавица, натура утонченная, Некрасовым увлеченная, коня на скаку остановить. Вот дурья башка! Так и лезет прямо под копыта... (коллективный. Вы на коне: пособие для начинающих наездников. Москва: инструкция. 30.09.2005 <http://moscowinst.ru/instructions/beware/1827.html>).

Также данный фразеологизм широко используется в общении **на форумах**.

Эм...моя дурья башка решила через месяц начать читать всю серию книг S.T.A.L.K.E.R.. Ну что же, поздравляю себя с очередной глупой затеей (Граф Де Вест. Персональный сайт. <http://grafdewest.ru/read/55>]).

А я, дурья башка, почти не пишу про своего мелкого (Alick. Про мелких. Опубликовано Wednesday, March 21, 2007, в 14:06 <http://alick.ru/2007/03/21/p229>).

Выражение «**ЧУРКА С ГЛАЗАМИ**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 112 тыс. раз, по данным НКРЯ – 14 раз.

Данное выражение зафиксировано в «Фразеологическом словаре русского литературного языка».

Фразеологизм «*чурка с глазами*» широко используется в разнообразных по стилю текстах.

В художественный текст данная ФЕ включается в речь персонажей, создает экспрессивный, просторечный стиль и используется в значении «глупый человек»:

У вас есть совесть или какие-нибудь соображающие органы? Или вы безусловная чурка с глазами? Как вас только земля на себе держит? » (Галина Щербакова. Ёкэлэмэнэ... (2001).

Это ты, чурка с глазами, училась десять лет и не увладела ничем... (Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», 1999).

Дал бы ему Бог еще и умную жену, но тут – полный прокол, чурка с глазами (Галина Щербакова. У ног лежачих женщин (1995).

Губернатор – я ему в глаза бы это сказал – чурка с глазами (Павел Нилин. Интересная жизнь (1969-1980).

В публицистическом тексте этот фразеологизм также используется для усиления эмоциональности текста.

В позиции заголовка:

Чурка с глазами. (Коллективный. Чурка с глазами. Вечерний Новосибирск. 04.11.2003) Название статьи о политкорректности.

Также данный фразеологизм широко используется **в общении на форумах**, где используется другое значение данного выражения – «бесчувственный человек».

Есть слово "коррекция", а не "корректорство", чурка ты с глазами; а в отношении "Вы" и "вы" прочувствуй контекст – никаких там ошибочных моментов нет. (Interactiveavia. Авиация без цензуры. Форум . <http://forum.interactiveavia.ru/forum/topic/2730/87/>).

Никакого понятия о ДУШЕ, а тем более о МУЗЫКЕ у тебя нет! ЧУРКА С глазами, да и только!!!! (Спроси Алену. Музыкальный блог. ВИА "Микрон". <http://music.tonnel.ru/index.php?l=music&alb=44743>).

Выражение «**ДУБИНА СТОЕРОСОВАЯ**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 21 тыс. раз, по данным НКРЯ – 17 раз.

Данное выражение зафиксировано в «Фразеологическом словаре русского литературного языка».

Фразеологизм «дубина стоеросовая» широко используется в разнообразных по стилю текстах. В художественный текст данная ФЕ включается в речь персонажей, создает экспрессивный, просторечный стиль. В публицистическом тексте этот фразеологизм также используется для усиления эмоциональности текста.

В художественном тексте:

А она, негодная, хоть и не вырывается, но шипением презрительно выражает: да кто ты такой супротив меня, дубина стоеросовая! (Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001).

Неужели ты, дубина стоеросовая, не понимаешь, что я не так уж просто залез в фургон! (Владимир Кунин. Кыся (1998-2000).

– Ну ты еще в дубуар, попросись, **дубина стоеросовая**, со своей рожей!
(Сергей Осипов. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен (1998).

Ее ракета обошла мне в небольшое состояние. Дубина, стоеросовая дубина! Ведь я мог бы заснять ее на киноплёнке! (В. В. Набоков. Лолита (1967).

В публицистических текстах это выражение используется крайне мало, нам удалось найти один такой пример:

Дынин – безусловно, стоеросовая дубина, дурак с инициативой, стационарный смотритель, мечтающий выслужиться перед статским советником...(Ласуков И. Слово в защиту товарища Дынина // Технология альтруизма [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/28/52>).

Также данное выражение используется в общении на **форумах** и содержит оскорбительный оттенок.

Ты дубина стоеросовая этим уже не раз занимался и по ушам получал... [В Н Лебедев, nick] .. мне твой шантаж дебила... .. не страшен, тем более что все сказано... .. грамотные поймут... безграмотным вдалбливать бессмысленно (коллективный. Социализм vs Капитализм (2011).

Выражение «**ДУРАКАМ (-У) ЗАКОН НЕ ПИСАН**» по данным поисковых интернет-систем встречается в различных текстах более 92 тыс. раз, по данным НКРЯ – 33 раза.

Данное выражение зафиксировано в «Фразеологическом словаре русского литературного языка».

Фразеологизм широко используется в разнообразных по стилю текстах.

Нами отмечено широкое использование данного фразеологизма в художественных текстах (обнаружено в 25 художественных текстах):

А мы на это можем ответить ему: дуракам закон не писан. (Аркадий Львов. Двор (1981).

Марина Бирюк вступилась за Гостью: дуракам закон не писан, пусть смеются, когда другие плачут. (Аркадий Львов. Двор (1981).

Мы также встречаем и многочисленные примеры использования данного фразеологизма в позиции заголовка без трансформации и с трансформацией. Современники Н.В. Гоголя упоминают его раннее произведение:

Один из школьных приятелей Гоголя имел в руках довольно объемистую сатиру его на жителей Нежинна:

«Нечто о Нежинне, или дуракам закон не писан» (А. Н. Анненская. Гоголь. Его жизнь и литературная деятельность (1895).

Неоднозначная трактовка значения этого выражения вызывает интерес у современных авторов, которые используют данный фразеологизм в качестве **названия** для эссе, заметок, песен (композиций в стиле рэп, хип-хоп):

Дуракам закон не писан. (Silver_mew. 03 июля, 2012). Сатирическая зарисовка на тему русских народных сказок и образа Ивана-дурака.

Всем дуракам закон не писан? Цикл Ростовские семёрки. (Дом Солнца. Проза). Размышления автора о двойственности моральных принципов, которые в различных ситуациях могут оборачиваться в свою противоположность.

Данная фразеологическая единица широко используется в названиях статей на политические темы:

Дуракам закон не писан, или Защита от дурака – II (Михаил Разпутько. Газета "Провинция"). Статья о казусах в деле судопроизводства.

«Дуракам закон не писан»: ВТО России ничем: Новости УНИАН. Статья о нарушениях правил ВТО Россией.

Интересно также отметить, что в отличие от других фразеологизмов, с отрицательной стороны характеризующих интеллектуальные способности человека, фразеологизм *ДУРАКАМ (-У) ЗАКОН НЕ ПИСАН* не встречается в общении интернет-пользователей на форумах.

Наши наблюдения могут быть представлены в виде таблицы, где представлены статистические данные вариантов использования фразеологических единиц: без трансформации, с трансформацией формы, с трансформацией содержания, с трансформацией формы и содержания:

в художественном тексте:

	Использование ФЕ в сильной позиции				Использование ФЕ в тексте			
	Без тр.	Тр. формы	Тр. содерж.	Тр. формы и содерж.	Без тр	Тр формы	Тр содерж.	Тр. формы и содерж.
<i>дубовая башка</i>					3			
<i>дурья башка</i>					19			
<i>чурка с глазами</i>					9			
<i>дубина стоеросовая</i>					17			
<i>дуракам (-у) закон не писан</i>	3				21	2		
<i>набитый дурак</i>					18			
<i>нести ахинею</i>					13			

в публицистическом тексте

	Использование ФЕ в сильной позиции				Использование ФЕ в тексте			
	Без тр.	Тр. формы	Тр. содерж.	Тр. формы и содерж.	Без тр	Тр формы	Тр содерж.	Тр. формы и содерж.
<i>дубовая башка</i>					15			

<i>дурья башка</i>					1			
<i>чурка с глазами</i>	1				3			
<i>дубина стоеросовая</i>					1			
<i>дуракам (-у) закон не писан</i>	2				4	1		
<i>набитый дурак</i>	2							
<i>нести ахинею</i>					3			

Таким образом, анализ фразеологизмов по их функционированию в тексте показал, что фразеологизмы с положительной характеристикой интеллектуальных способностей человека наиболее часто используются в сильной позиции качестве заголовка в названиях различных по тематике статей, в названиях конкурсов, интернет-магазинов, в названиях сайтов. Фразеологизмы с отрицательной характеристикой ума человека в сильной позиции встречаются крайне редко.

Также ФЕ с положительной характеристикой ума активно используются в художественных и публицистических текстах, что создает определенную экспрессию, придает эмоциональность тексту, участвует в создании образа героя.

ФЕ, отрицательно характеризующие умственные способности человека, чаще всего используются в художественном тексте с целью создания разговорного стиля, а также активно используются в общении на Интернет-форумах.

Обобщим наши выводы и представим их в виде таблицы:

**Использование фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств
человека**

	Использование ФЕ в сильной позиции				Использование ФЕ в тексте			
	Без тр.	Тр. формы	Тр. содер ж.	Тр. формы и содер ж.	Без тр	Тр формы	Тр содер ж.	Тр. формы и содер ж.
	Художественный текст							
<i>ФЕ с положит. хар-кой интел. спос- тей</i>					411	3	44	0
<i>ФЕ с отрицательно й хар-кой интел. спос- тей</i>					100	2	0	0
	Публицистический текст							
<i>ФЕ с положит. хар-кой интел. спос- тей</i>	32	3	17	2	196	1	2	0
<i>ФЕ с</i>	5	0	0	0	27	0	0	0

<i>отрицательно й хар-кой интел. спос- тей</i>								
	Разговорная речь (форумы)							
<i>ФЕ с положит. хар-кой интел. спос- тей</i>					4	2	1	
<i>ФЕ с отрицательно й хар-кой интел. спос- тей</i>					103	15	7	

Анализ всех этих функций не только выявляет многозначность фразеологизмов, но и расширяет представление о сфере их функционирования.

Исследование содержания, функций, трансформации, прагматической направленности данного фрагмента языковой действительности в настоящее время может быть предметом как собственно лингвистики, так и прикладных областей: рекламного дела, юрислингвистики, психолингвистики и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологизмы представляют собой интересное и не до конца изученное явление в языке любого народа. Они привлекают внимание ученых разнообразием дополнительных смыслов, эмоциональной окраской. Фразеологические единицы представляют особый интерес в рамках лингвокультурологии. В данном случае для анализа национальной специфики фразеологических единиц уместно привлекать материал из других языков, например, из арабского, что и было сделано в нашей работе. Данное сравнение позволило раскрыть представление об уме и глупости человека, отраженное в русских фразеологизмах, как один из феноменов языковой действительности и определить некоторые особенности русской языковой картины мира, связанные с этими представлениями.

Все фразеологизмы мы условно разделили на 3 большие группы, характеризующие различные составляющие интеллекта человека:

1. наличие/отсутствие ума;
2. характеристика памяти, внимания;
3. наличие/отсутствие знания.

Анализ самой многочисленной первой группы фразеологизмов, характеризующей наличие/отсутствие ума, показывает, что большая часть фразеологических единиц содержит отрицательную коннотацию лексемы «дурак» (глупость, тупость), через которую осознается положительная оценка наличия ума.

Среди фразеологизмов данной группы выделяется существенная часть выражений, содержащих лексему голова (башка), являющуюся основной для определения состояния интеллекта человека.

В русских фразеологизмах, характеризующих интеллектуальную деятельность человека, широко используются разнообразные метафоры: глупый человек ассоциируется с деревом, дубиной, пнем. Подобные ассоциации отсутствуют в арабском языке, тогда как сравнение глупого человека с различными

образами животных (баран, осел и др.) мы встречаем и в русской и в арабской фразеологии. Специфическими для русского языка являются сравнение головы глупого человека с пустой посудой или с емкостью, забитой чем-либо.

Особо следует отметить отличие образа русского дурака от арабского глупца. В русской языковой картине мира запечатлено двойственное отношение к дураку: с одной стороны мы встречаем отрицательное отношение к глупцу, а с другой мы видим, что дурак не тот, у кого недостает ума, а тот, кто воплощает собой отклонение от привычных норм поведения. Таким образом, в русском сознании обнаруживается такая непоследовательность: преклонение перед разумом, прославление ума сочетается со снисходительным отношением к неразумию, с прощением глупости; разумный человек и человек неразумный могут в равной степени рассчитывать на спасение души, на Божью милость. Образ глупца в арабской фразеологии более последователен, выстроен четко и не содержит таких противоречий, которые мы видим в русском материале.

В русских фразеологизмах, характеризующих наличие или отсутствие памяти, внимания, также преобладает группа с отрицательной характеристикой, соответственно умение овладеть знанием осознается через отрицательные характеристики. Следует отметить, что в русских фразеологизмах реже, чем в арабских, встречается оценка процесса обучения. Аналогичным образом оценивается и наличие знания.

Также нами отмечены многочисленные связи мыслительного процесса и различных явлений жизни человека: ум связывается с языком, речью (русская пословица говорит о возможности научиться через общение с умным человеком, арабская – не отрицая этого, акцентирует внимание на молчаливости мудрых людей). Сходно и в русском и в арабском языке говорится о соотношении ума и красоты, о проявлении внутренней красоты человека в его интеллектуальных способностях.

Старость осмыслена носителем русского языка с двух сторон. Проживший большую жизнь человек обладает опытом, и с этой точки зрения обеспечена мотивация для обозначений умного человека. Но старость характеризуется также ослаблением умственных способностей человека, что обеспечивает мотивационную базу для возникновения обозначений интеллектуально неполноценного человека. В русском языке также отмечается неоднозначность старости и ума. Русские пословицы и поговорки предостерегают от приписывания старым людям излишнего ума, мудрости.

В русских поговорах нередко указывается, что старые дураки глупее молодых. В народном языковом сознании представляется, что дурак должен быть состоянием молодости, а лучше детства, а с возрастом, с обретением знаний о жизни и разума, человек должен поумнеть, о чем говорит ряд пословиц, противопоставляющих возраст и количество ума. Старость для носителя арабского языка дает опыт, а вместе с ним и ум.

И русский, и арабский языки связывают наличие ума с богатством человека. Если в арабском языке умный человек знает, что он делает, то русская языковая картина признает за умным человеком право на ошибку, которую он может исправить, тогда как у глупца даже доброе намерение опасно: *пошли дурного, а за ним другого*.

Отметим, что в русской языковой картине мира интеллектуальные способности человека преимущественно отмечаются отрицательные черты, нежели положительные.

Фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные способности человека, богаты разнообразными тропами (метафорой, метонимией, антитезой, сравнением, эпитетом). Их использование обогащает разговорную речь и художественные тексты и помогает более глубоко понять смысл и содержание явлений окружающего мира, установить и выявить закономерные связи между миром человека и миром живой и неживой природы.

Анализ ФЕ с точки зрения их функционирования не только выявил их многозначность, но и расширил представление о сфере их использования. Фразеологизмы, характеризующие интеллектуальные способности человека, широко употребляются в текстах разных стилей и жанров, с разной смысловой нагрузкой: в любых публицистических текстах (с политической, экономической, юридической направленностью), в ряде рекламных текстов, а также в большом количестве художественных текстов как изобразительно-выразительное средство.

Таким образом, исследуемый языковой материал представляет собой как общие черты, свойственные разным народам, так и собственно-индивидуальные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Словари и энциклопедии

1. Фразеологический словарь русского литературного языка./ сост. А. И. Фёдоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008. –177с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. / О.С. Ахманова - М., 1966. – 488 с.
3. Баранов, Х.К. Арабско-русский словарь./ Х.К. Баранов – М.,1984. – 942 с.
4. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. - СПб. : Фолио-Пресс, 1997. – 704 с.
5. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1997. – 352 с.
6. Большой толковый словарь русского языка : [А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С.А. Кузнецов .— СПб. : Норинт, 1998 .— 1534, [1] с.
7. Борисов В.М. Русско–арабский словарь./ В.М. Борисов – М.,1993. – 1118 с.
8. Быстрова Е. А., Окунёва А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь русского языка / Е. А. Быстрова, А. П. Окунёва, Н. М Шанский. - М. : АСТ, 1997. – 304 с.
9. Даль В.И.. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М. : Эксмо : ННН, 2003 . – 612, [2] с.

10. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. / Даль В.И. – М. : Рус. яз., 1998. –319с.
11. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка /А. В. Жуков. – М. : АСТ : Астрель, 2003. – 603 с.
12. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляр В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка / В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляр. – М. : Рус. яз., 1987. – 440 с.
13. Зимин В. И. Краткий фразеологический словарь русского языка для студентов-иностранцев / В. И. Зимин. – М. : Просвещение, 1968. – 269 с.
14. «Исламский энциклопедический словарь» / А. Али-заде. – Ансар, 2007. –403с.
15. Калашникова А.Ф. Учебный словарь наиболее употребительных фразеологизмов современного русского языка / А.Ф. Калашникова. – Минск : Высш. шк., 1991.– 208 с.
16. Киселёв И.А. Фразеологический словарь русского языка / И. А. Киселёв. – Минск : Нар. Асвета, 1985. – 128 с.
17. Кукарева Е.В. Арабские пословицы и поговорки: Словарь./ Е.В. Кукарева – М.: Русские словари, 2008. – 302 с.
18. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 863 с.
19. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина ; Междунар. ассоц. преподавателей рус. языка и литературы; Рос. о-во преподавателей рус. языка и литературы; С.-Петербур. гос. ун-т, Межкаф. словар. каб. им. проф. Б.А. Ларина .— М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008 .— 783, [1] с.
20. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов - М. : Рус. яз., 1990.–797 с.

21. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1996. – 928 с.
22. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 365 с.
23. Словарь русского языка : В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981 – 1984. –199с.
24. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. А. С. Ковтуна, В. П. Петушкова. – М.-Л. Изд-во АН СССР, 196. – 2126 с.
25. Словарь современного русского литературного языка: В 17т. / Под ред. В. И. Чернышева. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965. 19. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940. – Т. 1-4. –418с.
26. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов .— 2-е изд., испр. и доп. — М. : Акад. Проект, 2001 .— 989, [1] с.
27. Толковый словарь русского языка : [В 4 т.] / Под ред. Д. Н. Ушакова .— М. : Астрель, 2000. –377с.
28. Фразеологизмы в русской речи : Словарь-справочник / Сост. Н. В. Баско. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 272 с.
29. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII - XX вв. / Под ред. А. И. Фёдорова. - М. : Топикал, 1995.– 605 с.
30. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. - М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
31. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. М. И. Степановой. - СПб. : Виктория плюс, 2003. — 608 с.
32. Фразеологический словарь современного русского литературного языка : В 2 т. / Под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Флинта, 2004.

33. Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М. : Рус.яз., 1990. – 220 с.

34. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М. : Дрофа, 1995. – 367 с.

35. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. – М. : Рус. яз., 1989. – 237 с.

36. Школьный фразеологический словарь русского языка : Пособие для учащихся / Под ред. В. П. и А. В. Жуковых. - М. : Рус. яз., 1989. – 364 с.

37. Яранцев Р. И. Русская фразеология. Словарь-справочник / Р. И. Яранцев. - М. : Рус. яз., 1997. – 845 с.

Электронные ресурсы

38. Библиотека Гумер – языкознание. – (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Index_Ling.php)

39. Богатырева И.И. Материалы к школьному словарю лингвистических терминов. Основные разделы науки о языке. - Русский язык. – 2010. - №5. – (http://rus.1september.ru/view_article.php?id=201000511)

40. Национальный корпус русского языка. – (<http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>)

41. Никитина Л.Б. Антропоцентристская семантика: образ homo sapiens по данным русского языка : [электронный ресурс] учеб. пособие / Л.Б. Никитина. - 2-е изд., стереотип. - М. : ФЛИНТА, 2011. – 255 с.

42. Северская О.И. Фразеологии: история и норма. – Русский язык. – 2010. - №11. – (http://rus.1september.ru/view_article.php?id=201001102)

43. Телия В.Н. Фразеология. - Большая советская энциклопедия. – (<http://slovari.yandex.ru>)

Научные труды

44. Аврасин В.М. Синестезия как инструмент оценочности / В.М. Аврасин // Новые тенденции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков: Тезисы докладов. Пермь, 1992. – С. 10 – 11.
45. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство: Уч. Пособие. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 288 с.
46. Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н.Ф. Алефиренко ; Науч. ред. Карасик В.И.; Акад. соц. наук РФ, Волгогр. гос. пед. ун-т.— Волгоград : Перемена, 1999.— 273 с.
47. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла : В аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): Монография / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых; Акад. соц. наук, Астрахан. гос. пед. ун-т.— Астрахань : Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2000.— 220 с.
48. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (На материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках) / Е.Ф. Арсентьева. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 126 с.
49. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков) / Е.Ф. Арсентьева. — Казань: Казан, гос. ун-т, 2006. – 172 с.
50. Артемова А.Ф. Коннотативный аспект семантики фразеологических единиц / А.Ф. Артемова // Актуальные проблемы современной семасиологии: Межвуз. сб. науч. тр. Ленинград: РГПУ, 1991.— С.12-21.
51. Артемьева Е.Ю. Лингвокультурная составляющая современного политического процесса (специфика англоязычных государств): дис. ... канд. пед. наук. / Е.Ю. Артемьева. – Нижний Новгород, 2003. – 241 с.

52. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка /Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики, 1982. – М., 1984. – с. 5-23.
53. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова .— 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999 .— I-XV, 895 с.
54. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке : основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский .— Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1964 .— 316 с.
55. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии /А. М. Бабкин. – М.-Л. : Наука, 1964. – 76 с.
56. Бабкин А. М. Разработка лексики и фразеологии современного русскогoлитературного языка. Пособие по выборкам / А. М. Бабкин. – Л. : Наука,1972.– 66 с.
57. Бабкин А. М. Русская фразеология, её развитие и источники /А. М. Бабкин. - Л. : Наука, 1970. – 263 с.
58. Бабкин А. М. Фразеология и лексикография / А. М. Бабкин //Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.-Л., 1964. – С. 7 - 36.
59. Байрамова Л.К. Введение в контрастивную лингвистику / Л.К. Байрамова. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. — 116 с.
60. Бекиров Р.А. Актуальность исследования глагольных фразеологизмов в арабском языке. /Р.А. Бекиров// Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 22 (61). № 3. 2009 г. – С. 17-23.
61. Белкин В. М. Арабская лексикология / В.М. Белкин .— М. : Изд-во Моск. ун-та, 1975 .— 200 с.

62. Бобрышева Л.К, Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира :на материале русского и адыгейского языков: дис.... д-ра филол. наук/ Л.К. Бобрышева – Майкоп, 2009. – 154 с.
63. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа : Лекция прочитанная в Лондонском ун-те в 1967 г. / Г.А. Брутян .— Ереван : Луйс, 1967 .— 66 с.
64. Быстрова Е. А., Окунёва А. П., Шанский Н. М. Введение / Е. А. Быстрова, А. П. Окунёва, Н. М. Шанский // Быстрова Е. А., Окунёва А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь русского языка. – М. : АСТ, 1997.– С. 3-9.
65. Валгина Н. С. Современный русский язык : Учебник для студ. вузов, обуч. по филол. направлениям и специальностям / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; Под ред. Н. С. Валгиной .— 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Логос, 2001 .— 527 с.
66. Валгина Н. С. Современный русский язык : Учебник для вузов СССР / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина и др. — 3-е изд., доп. и перераб. — М. : Высшая школа, 1966 .— 495 с.
67. Вартаньян Э. А. Из жизни слов. Об Ахиллесовой пяте, парфянских стрелах, Аннибаловой клятве, газетной утке и многих других крылатых выражениях / Э. А. Вартаньян. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Детгиз, 1963. – 319 с.
68. Василенко В.А. Ценность и оценка: Автореф. дис. . канд. философ. наук / В.А. Василенко. - Киев, 1964. – 21с.
69. Васильев Л.М. Методы современной лингвистики / Л.М. Васильев. — Уфа, 1997.– 182 с.
70. Васильев Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. — М.: Высш. шк., 1981.– 184 с.

71. Васильев Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты / Л.М. Васильев // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке: Сб. науч. ст. — Уфа, 1996. — С. 55 - 62.
72. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Анна Вежбицкая; Пер. с англ., предислов. А.Д.Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 287с.
73. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Анна Вежбицкая; Пер. с англ. А.Д.Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. — 272 с.
74. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / Отв. ред., сост. М.А. Кронгауз; Вступ. ст. Е.В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1997. — 411с.
75. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура./ Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров — М.: ИНДРИК, 2005. — 1037 с.
76. Виноградов В. В. Русский язык : Грамматическое учение о слове : Учеб.для вузов / В. В. Виноградов. — М. : Рус. яз., 2001. — 720 с.
77. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 140-161.
78. Виноградов В.В. Русский язык : грамматическое учение о слове : учебное пособие / В.В. Виноградов .— 2-е изд. — М. : Высшая школа, 1972 .— 613,[1] с.
79. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В.В. Виноградов// Труды Юбилейной научной сессии ЛГУ [1819–1944], Л., 1946 — с. 45-69.
80. Волобуева О.Н. Концептуальное поле "человек и его интеллект" в русской и английской фразеологии: дис... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.20 / О. Н. Волобуева — Тюмень, 2011. — 268 с.

81. Вольф, Е.М. Глава IX. Эмоциональные состояния и оценка / Е.М. Вольф // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М.: Инт Языкознания РАН, 1996. – С. 148 - 158.
82. Вольф, Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» / Е.М. Вольф // Вопросы языкознания. — 1986. — №5.— С.98—106.
83. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М.Вольф. — М.: Наука, 1985. — 228с.
84. Воробьев В.В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии. / В.В. Воробьев — М.: Ин-т русск. яз. им. А.С. Пушкина, 1994. — 76с.
85. Воробьев В.В. Прагматические аспекты лингвокультурологии / В.В. Воробьев // Социопрагматика и преподавание иностр. языков: Сб. науч. тр. — М.: МГИМО, 1997. — С. 23-29.
86. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. / В.В. Воробьев — М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996. — 170 с.
87. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев .— М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2008 .— 336 с.
88. Воронина Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) [Текст] / Т. М. Воронина // Язык. Система. Личность: сб. ст. — Екатеринбург, 2000. — С. 298–306.
89. Гаврин С. Г. Изучение фразеологии русского языка в школе : Пособие для учителя / С. Г. Гаврин. — М. : Учпедгиз, 1963. — 151 с.
90. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка / Ю. А. Гвоздарев. — Ростов-н/Д : Изд-во Рост, ун-та, 1973. — 103 с.

91. Гвоздарев Ю. А. О семантической классификации фразеологических единиц русского языка / Ю. А. Гвоздарев // Вопросы семантики фразеологических единиц. - Ч, 1. - Новгород, 1971. - С. 12-20.
92. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: Попул. лекции по народоведению / Л. Н. Гумилев. — М. : Айрис-пресс: Рольф, 2001. — 381,[1] с.
93. Голуб И.Б. . Стилистика русского языка : Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Журналистика" / И.Б. Голуб. — М. : АЙРИС-пресс, 1997. — 441,[1] с.
94. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов-н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1979. – 192 с.
95. Добродомов И. Г. Новые справочники по истории фразеологии /И. Г. Добродомов // Русский язык в школе. – 1997. – №2. – С. 112-115.
96. Дудников А. В. Лексика и фразеология русского языка: Пособие /А. В. Дудников. – М. : Просвещение, 1970. – 78 с.
97. Дубровина К.Н. Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике. / К.Н. Дубровина// Вестник РУДН, сер. Лингвистика, 2005, №7. –198с.
98. Жуков А. В. О лексико-фразеологическом словаре русского языка /А. В. Жуков // Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М. : АСТ : Астрель, 2003. – С. 3 - 30.
99. Жуков В. П., Жуков А. В. Как пользоваться словарём / В.П.Жуков, А.В. Жуков // Школьный фразеологический словарь русского языка : Пособие для учащихся / Под ред. В. П. и А. В. Жуковых. — М. : Просвещение, 1989. – С. 3 - 18.

100. Жуков В.П. О знаковости компонентов фразеологизма / В.П. Жуков // Вопросы языкознания. – М., 1975. № 6. – С. 36-45.
101. Жуков В.П. О смысловом центре фразеологизмов / В.П. Жуков // Проблемы фразеологии. – М.; Л., 1964. – С. 140-149.
102. Жуков В.П. Русская фразеология : [Учеб. пособие для филол. спец. вузов] / В. П. Жуков .— М. : Высш. шк., 1986 .— 309,[1] с.
103. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов : [учебное пособие для пед. ин-тов по специальности № 2101 "Русский язык и литература] / В.П. Жуков .— М. : Просвещение, 1978 .— 309, [1] с.
104. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология : учебное пособие / В.П. Жуков, А.В. Жуков .— Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Высш.шк., 2006 .— 408 с.
105. Жуков В.П. Фразеологическая синонимия и словарь фразеологических синонимов / В. П. Жуков // Словарь фразеологических синонимов русского языка : около 730 синонимических рядов. — М. : Рус. яз., 1987 .— 440, [1] с.. — С. 3 — 18.
106. Иванникова Е.А. К вопросу об эквивалентности фразеологических единиц словосочетанию / Е. А. Иванникова // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. — Вологда, 1967. — С. 112-123.
107. Ивин А.А. Основания логики оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.– 236 с.
108. Исследования по лексике и фразеологии русского языка и методике их изучения. Сб. ст. / Отв. ред. Н. Я.Сердобинцев. — Саратов : Приволж.кн.изд-во, 1965. – 287 с.
109. Кабыш В.И. Категориальная и субкатегориальная семантика процессуальных фразеологизмов с компонентами «брать/взять»

как компонент русской ментальности / В. И. Кабыш // Актуальные вопросы лингвистики. – Тюмень, 2003. – С. 127 – 129.

110. Калашникова А. Ф. От автора. Учебный словарь и его структура. Основные положения русской фразеологии / А. Ф. Калашникова // Калашникова А. Ф. Учебный словарь наиболее употребительных фразеологизмов современного русского языка. — Минск : Высш. шк., 1991. — С. 3-26.

111. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик ; Науч.-исслед. лаб. "Аксиологическая лингвистика" .— М. : ГНОЗИС, 2004 .— 389,[1] с.

112. Кирсанова Н. А. Значение и структура фразеологической единицы : Для студентов заоч. отд-ния филол. фак. ун-тов / Н. А. Кирсанова ; Под ред. О. Б. Сиротининой .— Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979 .— 65 с.

113. Киселёв И. А. Введение / И.А.Киселёв // Киселёв И. А. Фразеологический словарь русского языка. – Минск : Нар. Асвета, 1985. – С. 3-8.

114. Ковалёва Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс / Л. В. Ковалёва. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 182 с.

115. Ковалёва Л. В. Фразеологизация как когнитивный процесс : автореф. дис.... д-ра филол. наук / Л. В. Ковалёва. - Воронеж, 2004. – 39 с.

116. Ковтун Л. С. К истории русской идиоматики (геркулесовы столпы, колоссродосский) / Л. С. Ковтун // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1969. – С.179-188.

117. Ковыршина Е. О. Многокомпонентные фразеосочетания как предметобщей фразеологии (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Ковыршина. – Воронеж, 1996. – 24 с.

118. Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка : Сб. науч. тр. / Отв ред. З. Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1996. – 125 с.
119. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1989. – 190 с.
120. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии / М. М. Копыленко, З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1972. – 124 с.
121. Корнев А.И. Роль устойчивых словосочетаний в развитии семантики слова / А. И. Корнев // Современная русская лексикография, 1980. – Л., 1981. – С. 43-53.
122. Костючук Л.Я. Роль лексического наполнения в создании значения устойчивых словосочетаний / Л. Я. Костючук // Семантика языковых единиц. – Л. : Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та, 1975. – С. 64 - 67.
123. Косякова Ю.Г. Фразеологические единицы эмотивной семантики как фрагмент национальной языковой картины мира: дис. канд. филол. наук.: 10.02.01 / Косякова, Юлия Геннадиевна. – Омск, 2006. – 218 с.
124. Кохтев Н.Н., Розенталь Д.Э. Русская фразеология: Учеб. пособие / Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь. – М. : Рус. яз., 1990. – 302 с.
125. Краснов Ф.А. Грамматическое моделирование и классификация фразеологических единиц русского языка / Ф. А. Краснов // Лексика, фразеология, словообразование. - Фрунзе, 1990. – С. 116 - 128.
126. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : Лекционный курс / В.В. Красных. — М. : Гнозис, 2002. — 282, [1] с.
127. Красса С.И. Арготические фразеологизмы в современном русском языке : семантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ...канд. филол. наук / С. И. Красса. – Ставрополь, 2000. – 20 с.

128. Кретов, А.А. Почему дубина стоеросовая? / А.А. Кретов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Воронеж, 2003. — № 2. — С. 42-45.
129. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 340 с.
130. Кунин А.В. О соотносённости фразеологической единицы со словом /А. В. Кунин // Труды СамГУ им. А. Навои. Вопросы фразеологии, III. Самарканд, 1970. — Т. 178. — С. 94 - 112.
131. Кунин А.В. Фразеологические единицы и контекст / А. В. Кунин //Иностранные языки в школе. — 1971. - №5. — С. 23 - 26.
132. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. (Опытсистематизированного описания) / А. В. Кунин. — М.: Международные отношения, 1972. — 288 с.
133. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. — Дубна: Изд. Феникс+, 2005.— 488с.
134. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. — М.: Высш. шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. — 381с.
135. Кунин А.В. Основные понятия, стилистики в области фразеологии / А.В. Кунин // Структура лингвостилистики и ее основные категории: Межвуз. сб. науч. тр. — Пермский университет, 1983. — С.44 - 49.
136. Кухарева Е.В. Типологически-универсальное и национально-специфическое в арабских пословицах и поговорках / Е.В. Кухарева // Универсально-типологическое и национально-специфическое в языке и культуре. Ч.2. — М.: РУДН, 2003. — С. 355-369.

137. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии / Б.А.Ларин // Очерки по фразеологии, лексикологии, стилистике. – Л., 1956. – С. 200.
138. Ларин Б.А. О методах изучения фразеологических сочетаний (тезисы). Научная сессия 1953–1954 гг. /Б.А. Ларин// Тезисы докладов по секции филологических наук. – Л., 1954. – С. 5–8.
139. Лебединская В. А. Процессуальные фразеологизмы современного русского языка :Учеб. пособие / В. А. Лебединская. - Челябинск : Изд-во Челябинск, гос. пед. ин-та, 1987. – 80 с.
140. Лексикология и фразеология: новый взгляд. Раздел «Фразеология»: Тез. 2-й межвуз. конф. / Отв. ред. Е. И. Диброва. – М. :МГЗПИ, 1990.– 91 с.
141. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. // Т.В. Леонтьева. – Екатеринбург, 2008. – 280 с.
142. Лукьянова Е.А. Оценочные модели как основа тексторождения (на материале общественно-политической публицистики): Автореф. дис. канд. филол. наук / Е.А. Лукьянова. – СПб, 2004. – 20с.
143. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н.А.Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования /Отв. ред. Проф. К. А. Тимофеев. – Новосибирск, НГУ, 1976. – вып. V. – С. 3 - 21.
144. Лучинина Е.Н. Лингвокультурология в системе гуманитарного знания //Тверской государственный университет. Критика и семиотика. – Вып. 7. – 2004. – С. 238-243.
145. Маркелова Т.В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки.— 1996.— №1.— С.80-89.
146. Маркелова Т.В. Выражение оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Русский язык в школе. 1995. – №1. – С.76 -81

147. Маркелова Т.В. Лексема-узел «одобрять» как средство выражения оценочного значения / Т.В. Маркелова // Филологические науки. 1999. — №3. — С.76 – 86
148. Маркелова Т.В. Метафорическая ценность фразеологизмов с опорным компонентом зоонимом или фитонимом. / Т.В. Маркелова, О.Т. Хабарова // Филологические науки. – 2005; – №5. –С.17 -27
149. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Вестник МГУ, Сер.9. Филология.–1994.– №4.– С.12-19
150. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М., 1997. – 189с.
151. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений./ В. А. Маслова. – Москва, 2001. – 204 с.
152. Машина О. Ю. Фразеологическое значение и его оттенки : Автореф. дис.... канд. филол. наук / О. Ю. Машина. – Новгород, 1998. – 25 с.
153. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Введение / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи : Словарь. — М. : Русские словари, 2001. — С. 3-44.
154. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка : Учеб. пособие / А.М. Мелерович. – Ярославль : Изд-во Ярослав, гос. пед. ин-та, 1979. – 79 с.
155. Миллер Е. Н. Природа лексической и фразеологической антонимии /Е. Н. Миллер. – Саратов : Изд-во Саратов, ун-та, 1990. – 221 с.
156. Миллер Е.Н. Характер и форма функционирования лексической и фразеологической антонимии в речи / Е. Н. Миллер // Русский язык в школе. – 1980. – №3. – С. 76 - 79.

157. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1990. – 160 с.
158. Мокиенко В. М. К читателю / В. М. Мокиенко // Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – Ростов-н/Д. : Феникс, 1997. – С. 3 - 11.
159. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 277 с.
160. Мокиенко В. М. Почему так говорят?: От Авося до Ятя: Ист.-этимологический справочник по русской идиоматике / В. М. Мокиенко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1998. – 491 с.
161. Мокиенко В. М. Противоречия фразеологии и её динамика : автореф. дис.... канд. филол. наук / В. М. Мокиенко. – Л., 1976. – 25 с.
162. Мокиенко В. М. Славянская фразеология: Учеб пособие / В. М. Мокиенко. - М. : Высш. шк, 1989. – 287 с.
163. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977.– 283 с.
164. Мордвилко А. П. Очерки по русской фразеологии. (Именные и глагольные фразеологические обороты) / А. П. Мордвилко. – М. : Просвещение, 1964.–132 с.
165. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии / В. М. Огольцев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 159 с.
166. Ольшанский И.Г. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 10-26.
167. Ольшанский И.Г. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 10-26.

168. Опарина Е.О. Лингвокультурология: Методологические основания и базовые понятия /О.Е. Опарина// Язык и культура. Сборник обзоров. Вып.2. – М.: РАН, 1999. – С. 27–36.
169. Опарина О.Е. Связь метафоры с мировосприятием /О.Е. Опарина// Язык и культура: Сб. обзоров. – М., 1987. – С. 130-140.
170. Очерки по лексике и фразеологии. Сб. ст. / Отв. ред. В. А. Магин. – Ростов-н/Д : Изд-во Рост. гос. пед. ин-та, 1974. – 147 с.
171. Очерки по лексике и фразеологии. Сб. ст. / Отв. ред. Л. Г. Барлас. – Ростов-н/Д : Изд-во Рост. гос. пед. ин-та, 1976. – 114 с.
172. Палевская М. Ф. Основные модели фразеологических единиц соструктурой словосочетания в языкеXVIII в. / М. Ф. Палевская. – Кишинёв : Картя Молдовеняскэ, 1972. – 308 с.
173. Персикова Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: Учеб. пособие / Т.Н. Персикова. – М.: Логос, 2004. – 224с.
174. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов : Учеб. пособие / Р. Н. Попов. – М. : Высш.шк., 1976.– 200 с.
175. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д.Попова, И.А.Стернин .— Воронеж : Истоки, 2002 .— 59 с.
176. Попова З.Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2002. – С.8-50.
177. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика : учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин ; Воронеж. гос. ун-т .— М. : АСТ : Восток-Запад, 2007 .— 314 с.

178. Приходько А.И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способа ее выражения в современном английском языке: Автореф. дис. . докт. филол. наук / А.И. Приходько. – Белгород, 2004. – 43с.
179. Проблемы русской фразеологии : Респ. сб. / Отв. ред.В. Л. Архангельский. - Тула : Изд-во Тульск. пед. ин-та, 1976. – 124 с.
180. Проблемы фразеологической семантики / Бирих А. К. [и др.]. — СПб.:Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 172 с.
181. Регина К. В., Тюрина Г. П., Широкова Л. И. Устойчивые словосочетания русского языка: Учеб. пособие / К. В. Регина, Г. П. Тюрина, Л. И. Широкова. – М. : Рус. яз., 1976. – 296 с.
182. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии /Л. И. Ройзензон. – Самарканд, 1973. – 154 с.
183. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка : Учебное пособие для вузов / А.Г. Руднев .— 2-е изд. — М. : Высш. школа, 1968 .— 320 с.
184. Русский язык : Энциклопедия / Под. ред. Ю. Н. Караулова. - М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. — 704 с.
185. Рылов Ю. А. О семантических доминантах в языковой картине мира/ Ю. А. Рылов// Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 1 – с. 80-94.
186. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации / А.П. Садохин. – М.: Высш. шк., 2005. –167с.
187. Сафиуллина З.А. Информация, ценность и оценка: Научно-практическое пособие /З.А. Сафиуллина. – М.: «Либерей-Бибинформ», 2006. – 224 с.
188. Сергеева Л.А. Категория оценки и аспекты ее описания / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке: Межвуз. сб. науч. ст. – Уфа: БГУ, 1996. – С.63 – 76.

189. Сергеева Л.А. Коннотативное значение как объект лингвистического анализа / Л.А. Сергеева. // Исследования по семантике. Общие вопросы семантики: Межвуз. науч. сб. – Уфа: БГУ, 1983. – С. 114 – 119
190. Сергеева Л.А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: Автореф. дис. . докт. филол. наук / Л.А. Сергеева. – Уфа, 2004. – 45с.
191. Сергеева Л.А. Проблемы оценочной семантики: Монография. / Л.А. Сергеева. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 140с.
192. Сергеева Л.А. Семантическая категория оценки в ее отношении к аксиологическим категориям / Л.А. Сергеева // Исследования по семантике: Семантика языковых единиц разных уровней: Межвуз. науч. сб. — Уфа: БГУ, 1988. С.58 — 63
193. Соколова Н. К. Русская фразеология: Учеб. пособие / Н.К.Соколова. - Воронеж : Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1980. – 31 с.
194. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // НЗЛ. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 129 - 154.
195. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
196. Телия В. Н. Что такое фразеология / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1966. – 86 с.
197. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XXI съезд славистов. Доклады российской делегации. – М., 1993. – 313 с.
198. Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии / В. Н. Телия //Национально-культурный компонент в

тексте и в языке. Тезисы докладов. Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. – Минск: «Універсітэцкае», 1994. –418с.

199. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В. Н. Телия – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

200.Телия В.Н. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость / В. Н. Телия // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. –307с.

200. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия //Фразеология в контексте культуры. /Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 516с.

201. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М., 2004. – 213с.

202. Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькихсловных образований // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. –419с

203. Тихонов А. Н. Принципы построения словаря / А.Н.Тихонов // Фразеологический словарь русского языка / Сост. А. Н. Тихонов. - М. : Высшая школа, 2003. – С. 4 - 6.

204. Ушаков В. Д. Фразеология Корана [Текст]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.

205. Урысон Е. В. Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) /Е.В. Урысон// Вопросы языкознания. 1998. № 2. – С. 3-21.

206. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира : Аналогия в семантике / Е.В. Урысон ; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова .— М. : Языки славянской культуры, 2003 . – 223 с.,
207. Фёдоров А. И. Семантико-стилистические синонимические отношения в русской фразеологии конца XVIII - начала XIX вв. / А.И. Федоров // Синонимия в языке и речи. Доклады конф. (15-17 дек. 1969 г.). — Новосибирск, 1970. – С. 64 - 92.
208. Фёдоров А. И. Фразеологическая семантика и её толкование / А. И. Фёдоров // Фразеологический словарь русского литературного языка. Словарь : В 2 т./ Сост. А. И. Федоров. – Новосибирск : Наука, 1995. – С.7-13.
209. Фомина Н. Д., Бакина М. А. Фразеология современного русского языка : Учеб. пособие / Н. Д. Фомина, М. А. Бакина. – М. : Изд-во ун-та дружбы народов, 1985. — 63 с.
210. Хайруллина Р.Х. Картина мира во фразеологии: (тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов. Дисс.докт. филол. наук. / Р.Х. Хайруллина. – М.,1997.– 536 с.
211. Хернстайн Смит Б. Произвольность ценности / Б. Хернстайн Смит // Ценности, каноны, цены: Текст как средство культурного обмена: Материалы VII Фулбрайтовской гуманитарной летней школы / Под ред. Т.Д. Бенедиктовой. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С.49 - 65.
212. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике / И.Н. Худяков // Филологические науки. 1980. – №2. – С.78 – 82.
213. Хуссейн Тума, М. Русские фразеологизмы со словом «язык» в лингво-культурологическом аспекте: диссертация, канд. филол. наук. / М. Хуссейн Тума — Воронеж, 2006.– 184с.
214. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура (Постановка вопроса) /Т.З. Черданцева // Вопросы языкознания. – М., 1996. – № 1. – С. 58-70.

215. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка : учебное пособие для педагогических институтов по специальности Русский язык и литература / Н.М. Шанский .— 2-е изд., испр. — М. : Просвещение, 1972 .— 327 с.
216. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : [Учеб. пособие для вузов по спец. "Русский язык и литература"] / Н.М. Шанский .— 4-е изд., испр. и доп. — СПб. : Специальная Литература, 1996.— 184,[1] с.
217. Шанский Н.М. Основные свойства и приёмы стилистического использования фразеологических оборотов в русском языке. /Н.М. Шанский //Русский язык в школе. — 1957. — №3. —С. 13-21.
218. Шарбатов Г.Ш. Арабские народные пословицы и поговорки./ Г.Ш. Шарбатов -М.,1961. —370с.
219. Шейгал Е.И., Буряковская В.А. Лингвокультурология: Языковая репрезентация этноса: учебно-методическое пособие к спецкурсу для студентов факультетов иностранных языков. / Е.И. Шейгал, В.А. Буряковская. – Волгоград: Перемена, 2002. — 178 с.
220. Шейдаева С. Г. Категория субъективной оценки в русском языке: Автореф. дис. . докт. филол. наук / С.Г.Шейдаева. – Н.Новгород, 1998. – 41с.
221. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова ; Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои .— Ташкент : Фан, 1988 .— 89,[2] с.
222. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. / Под ред. З. Д. Поповой и И. А. Стернина. – Воронеж, 2002. – 312с.
223. Яхина А.М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека: автореферат

диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.20 – Казань, 2008. – 226с.

Словари и научные труды на иностранных языках

224. Абдуллатиф Аль-Делейми. Народные пословицы .– Багдад,1968. – 180 с.
225. Абдуррахман Аль-Тикритий. Багдадские пословицы .– Багдад, 1968. –215с.
226. Абу-Суфа Мухаммед. Арабские пословицы в фольклорном источнике. – Амман,1982. – 282 с.
227. Аль-Амд, Хани. "Амсалу ль-умма ль-арабийя". "Ат-турас аль-арабий". №№ 16-17. – Багдад. 1974. –198с.
228. Аль-Фахури, Хана. "Аль-хикам ва ль-амсаль". Ат-табаа 4. Аль-Кахира. – 87с.
229. Акаша – Абдуль-Манна. Энциклопедия народных пословиц в арабской родине. –321с.
230. Аль-Асмий. Пословицы. – Багдад, 2000. – 399с.
231. Аль-Дабий Аль-Муфадал Бин Мухаммед Арабские пословицы. – Бейрут , Ливан,1981. –321с.
232. Аль-Ханафи Жалаль. Багдадские пословицы.– Багдад,1964. – 256 с.
233. Баккара Сура. Коран. – Саудовская Аравия. – 1988. – 604 с.
234. Валид Насиф Известные арабские пословицы. – Дамаск, 2007. – 104с.
235. Валид Насиф. За каждой пословицей есть история и сказка.– Дамаск, 1989. –204с.
236. Джалил Камал Алдин Сравнение между арабскими и русскими пословицами. Багдад, 1978. – 231с.

237. Ихсан Аббас. Пословицы арабов. – Бейрут, 1988. –244с.
238. Муэмен Мухаммед Риза Рассказы и поговорки. – Халаб, 2005. – 133с.
239. Сыний, Махмуд Исмаил. "Муаджаму ль-амсали ль-арабийя". – Бейрут.1992. –312с.
240. Усама Хуху Изучать русский легко. – Ливан, 2005. – 552 с.
241. Энциклопедия народных пословиц в арабской родине. – Бейрут-Ливан, 2001. – 260 с.
242. Юсуф Тома Аль-Бустани. Пословицы Востока и запада.-Ирак,Аль-Нажаф,-1988. –160с.
243. دلائل الاعجاز في علم المعاني . القاهرة بد الجرجاني (tex) 1948.